

Катя Малая
**КОГДА МНЕ
БЫЛО БОЛЬНО**
личный Дневник

Катя Малая

*Когда мне было
больно*

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-3
ББК 84-4
К29

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Катя Малая

К29 Когда мне было больно / Катя Малая. — [б. м.] :
Издательские решения, 2023. — 280 с.
ISBN 978-5-0051-8111-4

Издание второе, переработанное.

История, которая разбила Алисе сердце, но научила ее любить. Преодоле-
вая боль и трудности, Алиса становится сильнее и мудрее. Эмиграции
и страны, творчество и бизнес, материнство и самореализация, жизненные
обстоятельства и большое предательство, все это как путь обретения себя.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Катя Малая, 2023
© Елена Афонина, редактор, 2023
© Дзельскалей Татьяна Ядгар Элина,
фотограф, 2023
© Елена Моршинина, Художник, 2023
© Zlata Carol, Художественный

ISBN 978-5-0051-8111-4 редактор, 2023

Оглавление

Предисловие	5
Часть 1. Начало. До рождения Элли	15
Сезон первый	15
Часть 2. Танцы в животе	87
Сезон второй	88
Часть 3. Дорога домой	194
Сезон третий	195

Предисловие

Меня зовут Алиса и это — *моя история*.

Точнее, это *одна из* моих историй. История, которая сделала мне очень больно. И хотя история обыденная и незамысловатая, она разбила мне сердце.

И эта же история сделала меня сильнее, мудрее, а еще научила любить.

Я — *танцовщица*. Кроме выступлений я даю *уроки танцев для женщин*. Я встречаю женщин разных национальностей, социальных статусов и возрастов. Я танцую с маленькими девочками, юными девушками, беременными женщинами, с матерями и бездетными, с теми, кто хорошо двигается, и кто совсем не умеет танцевать, а также с теми, кто прикован к инвалидной коляске.

Я вижу много разных *женщин*.

Все они вдохновили меня написать эту историю. Как есть: откровенную, дерзкую, выстраданную. Потому что женщины испокон веков учились друг у друга — через истории, через прожитое и рассказанное в своей истории.

Я не могу сказать вам, как стать счастливой. Но хочу показать вам на личном опыте, как у меня однажды выбили почву из-под ног и заставили страдать, а мне казалось, что быть ранимой и уязвимой — это стыдно. Как будто душа не имеет права стонать...

И еще эта история для моей дочери. Для этой маленькой наивной и чудесной девочки, которая однажды станет взрослой... Она однажды прочтет эту книгу и захочет задать много вопросов, а возможно, и обидится на меня за всю мою откровенность...

И вот что я хочу сказать тебе, моя родная девочка: мама и папа очень любят тебя — ты самый желанный ребенок у своих родителей! Что бы тебе ни показалось — помни, это моя история, и я не только твоя мама, но и просто *женщина*. И ничто не изменит тот факт, что папа тебя тоже очень любит...

Даже если кто-то не показывает свою любовь к нам так, как мы того ожидаем, это не значит, что он не любит вовсе. Ты очень любима! Я люблю тебя. И папа тебя любит.

Это МОЯ история о том, что, даже когда тебе обрубают крылья — можно идти, и даже упав на дно, не стоит оставаться внизу даже на время, а сразу начинать двигаться вверх, даже если ты прочно прибит к земле и шевелятся только кончики твоих пальцев. И тогда постепенно, изо дня в день, от рассвета до заката, от события к событию ты заметишь, как ты растешь и становишься сильнее. Даже если на это уходят годы. Но жизнь того стоит!

Начало. До рождения Эльь 6 октября 2014. 30 недель

Мне кажется, что моя сегодняшняя жизнь похожа на дешевый мексиканский сериал, который показывают в пять часов вечера без рейтинга. Сериал настолько примитивный, тоскливый и предсказуемый, что вокруг все плюются и ругают его банальный сю-

жет, но смотрят... Если и не в пять вечера (это вообще самое неудобное время суток для сериала, а уж тем более, если смотришь его тайно), то уж при повторе в девять утра непременно, как бы случайно включив телевизор на нужном канале...

Сюжет моего сериала прост: главная героиня Антуанетта приезжает в большой город, скажем, из Наукальпан-де-Хуарес, куда-нибудь в Экатепек-де-Морелос (правильнее, если б она переехала в Мехико, но Экатепек-де-Морелос звучит лучше).

Антуанетта — сексуальная и обаятельная, влюблена в мужественного и молодого Педро-Хуэля, а именно благодаря ему (или, может, из-за него?) они и переезжают из маленького Наукальпан-де-Хуарес (где познакомились незадолго до) в большой Экатепек-де-Морелос.

Экатепек-де-Морелос хорошо известен своими ветреными холмами. Именно поэтому здесь хочет жить и учиться Пэдро-Хуэль: ведь он всегда мечтал работать на ветряных мельницах! Антуанетта тоже не жалуется — в ее профессии (она шьет мешки для хранения муки) город не важен, а уж такой, где много мельниц и муки, ей и вовсе на руку. Живут они хорошо: трудно, но весело: все как полагается — из первой маленькой съемной квартиры переезжают в квартиру попросторнее, потом родители покупают им апартаменты, где они создают невероятный уют и свое личное гнездышко. Педро-Хуэль учится, Антуанетта во всем его поддерживает, иногда даже в ущерб своим интересам... Мы, как зрители, смотрим, и нам становится немного противно, что все у них складывается как-то слишком гладко. Ругаем Антуанетту, что ради мира в семье и карьеры мужа она бросает свое дело, не бог весть какое, но свое... Свое первое дело в большом городе, но мы прощаем ее: не ради себя же бросает — во имя семьи!

Так они и живут: Педро-Хуэль медленно, но верно движется вверх по карьерной лестнице, Антуанетта, как преданный пес, всегда с ним, всегда за него, всегда рядом.

И вот наступает в жизни Педро-Хуэля такой долгожданный момент, когда у него появляется своя собственная ассистентка. Впервые! Ого! — думают зрители. — Статус, зарплата, ассистентка! А тут и Антуанетта радуется — они ждут своего первого ребеночка! И все резко вдруг становится не интересно, даже можно заканчивать первый сезон... Но продюсеры и режиссеры оставляют сюжеты открытыми, даже с плохим концом — чтобы потом можно доснять продолжение...

Поэтому в ассистентки Педро-Хуэлю попадается коварная женщина, Урсула-Жопордина. Урсула-Жопордина врывается в устаканившуюся семейную жизнь и привораживает Педро-Хуэля, еще вчера строившего планы на светлое будущее с Антуанеттой... Он стремительно влюбляется, забивает на жену, их любовь и дружбу, своего ребенка, совместно прожитые годы и бежит савраской за Урсулой-Жопординой.

Мы все убиты горем. Но не сильно переживаем, потому что банальность ситуации зашкаливает: молодая пара, первая беременность, успехи на работе, личная ассистентка...

Драма, драма, драма. Антуанетта в печали, Педро-Хуэль растерян, ведь вроде и Антуанетта ему не чужая, и дочка у него на подходе... А тут Урсула-Жопордина хвостом виляет, ужины ему готовит, с работы ждет...

...Моя учительница йоги, Нина, смеется:

— Хороший сериал у тебя получается. Но, может, это только середина первого сезона и еще не все кончено?

— Может, — соглашаюсь я. — Нам же интересно, как Антуанетта разрулит ситуацию. И мы верим и хо-

тим, хотя еще не знаем, правильно ли это, простить это предательство, чтобы Педро-Хуэль вернулся домой, а Урсула-Жопордина была разоблачена в своих намерениях и зло наказано...

— А знаешь, — говорит Нина, — в таких банальных, как ты говоришь, сериалах, обычно очень банальные концовки — именно поэтому мы их и смотрим! Ведь мы же знаем, что на самом деле Антуанетту ждет любовь, новый принц... Она из всего выкарабкается и родит здорового ребенка. И еще будет идти по улице, ветер будет развеивать ее волосы, проезжающие машины будут сигналить, прохожие сворачивать шеи... А она идет такая красивая, уверенная в себе, сильная и счастливая!.. Такие сериалы только так и заканчиваются!

Да, думаю я, сериалы именно так и заканчиваются, но моя жизнь — не сериал, что идет по местному телеканалу в пять вечера. МОЯ жизнь — прайм-тайм, самое дорогое время эфира...

6 мая 2020

Эльль пять с половиной лет. Израиль

Вчера мне предложили провести занятие по йоге в женском убежище — это такое место, куда приходят женщины, пострадавшие от насилия в семье. Даже еще страшнее: которые сейчас страдают от насилия, а это убежище — секретное место, куда они ходят получить помощь, совет, поддержку, плечо, на котором можно поплакать...

И вот я сижу перед ними на коврик для йоги. Передо мной сидят восемь женщин: четыре арабки, с трудом говорящие на иврите, одна филиппинка и еще три израильянки. Женщины не особо улыбкивые, сидят настоюще, недоверчивые... Оно и понятно:

кто я такая, откуда пришла, почему тут? Адрес этого убежища нигде нельзя найти, мне его продиктовали и просили никому не говорить. Я никому и не скажу, но они-то в этом не уверены — откуда они меня знают, чтобы верить...

Я провожу занятие на иврите и английском, чтобы арабки тоже могли что-то понять, но этого недостаточно — и меня переводят на арабский. Мы дышим, становимся в разные асаны. Я выбрала для них самые жизнеутверждающие — мы делаем стойки Воинов, и я напоминаю им, сколько в них есть женской силы. Асана Древа: у дерева есть чему поучиться — стойкости, силе, спокойствию. Сезоны сменяются: дожди и зной, даже ураганы и снегопады, а дерево стоит. Потом растяжки и упражнения на гибкость — все для того, чтобы забрать практику отсюда, с коврика для йоги и перенести в свою жизнь.

Мы проводим медитацию на то, чтобы зажили раны. Еще на новые силы.

И снова дышим, наполняем каждую клеточку тела кислородом, выдыхаем все, что больше не потребуется нашему организму.

Закрываем глаза и слушаем тело: как оно себя сейчас чувствует?

Одна арабка плачет. Я смотрю на нее и говорю:
— Тебе можно плакать. Ты в безопасности.

И вдруг я вспоминаю, как сама была на четвертом месяце беременности и узнала, что мой муж любит другую. Я ходила на уроки йоги и плакала почти все занятия напролет. Смотрю вот на эту женщину передо мной — и тоже хочу плакать.

Я хочу рассказать им свою историю, сказать, что бывает очень страшно, очень больно, но все это как-то проходит. Что есть жизнь после развода. Что есть жизнь после разбитого сердца. Что это не стыдно —

быть сейчас уязвимой, в слезах и соплях, такой растрепанной и несобранной... И не надо оправдываться перед другими!

Принято считать, что разбитое сердце — это чепуха, это пройдет. Вот болезнь — да: из-за болезни можно расстраиваться, плакать, искать и просить помощь. А когда болит душа — надо собраться, взять себя в руки и думать о хорошем...

Вечером я достаю свой старый дневник — буду перечитывать. Я в нем жалкая. Разбитая. И даже — глупая. А еще — беременная. Еще — наивная. Но это — Я!

В мой двадцатый день рождения мы впервые поцеловались.

За десять дней до него мы познакомились. Он утверждал, что я свалилась на него с небес, как ангел. Я просто неожиданно приземлилась рядом с ним в театре. Я старалась пройти незамеченной потому, что опоздала на спектакль, в котором играла моя мама. Еще минуту назад в зале была темнота, и рядом с ним никого не было. И тут внезапно я очутилась в соседнем кресле.

Потом он часто говорил, что, когда увидел меня — сразу подумал: «Как странно... Возле меня только что села моя будущая жена».

Целовались мы на море. Была середина дня, солнце припекало, но нам было хорошо. Только потом, через пару лет, я узнала, как сильно он не любил жару...

Мы спустились к пирсу и сели на острые камни. Мы сидели очень близко друг к другу и болтали о какой-то чепухе.

Я смотрела на него. Капельки пота выступали на лбу и над губой, я щурила глаза, потому что сзади него ярко светило солнце, в тот момент он казался мне

таким красивым и родным, что я разрешила себя поцеловать.

Он мягко и нежно целовал мои губы, и едва уловимый вкус его соленого пота делали этот момент еще более волшебным. Мы целовались на этих камнях целую вечность. Море билось под нашими ногами, иногда нас обрызгивало. Мы смеялись и продолжали целоваться...

Мне нравилось в нем все!

Илан был первый, кто пригласил меня обедать и ужинать в рестораны по поводу и без... Я всегда думала, что рестораны — это по праздникам, но с Иланом мы ходили в рестораны каждый день: одна кухня, другая, разная... Когда мы только познакомились, мы могли позавтракать в ресторане одного города, а поужинать уже в другом месте! Я восхищалась его спонтанностью, умением наслаждаться едой и так легко тратить деньги...

Мне нравилось наблюдать, как красиво и уверенно Илан ведет машину, как легко переключает скорости, не боится гонять по набережной... Мне вообще нравилось, что он такой мужественный, сильный, смелый. Умеет водить машину и мопед, а еще водный мотоцикл! И всегда говорит мне:

— Мужчина должен уметь подчинить себе любой транспорт.

Я смотрела на него с таким обожанием: вот он МОЙ мужчина, такой всемогущий — ему подвластно все!

В день первого поцелуя мы проезжали какой-то тоннель, в котором я больше ни разу не была ни до, ни после. Тоннель был низкий, темный, заброшенный... На улице все еще было жарко, но внутри было словно в загадочной пещере — темно, сыро, прохладно... Илан внезапно остановил машину, мы отстегнули ремни безопасности и, без предисловий или объяснений,

просто упали друг другу в объятия. Мы целовались там целую вечность... И даже чуть-чуть дольше, чем вечность! Это были такие минуты, про которые помнят всю жизнь. Это были одни из самых приятных мгновений нашей жизни вместе.

— Мне кажется, я никогда не был счастливее, — тихо сказал он. — Я не знал, что можно испытывать сразу так много чувств к другому человеку. Пускай это никогда не заканчивается...

А потом по дороге домой на каждом светофоре, что горел красным светом, мы целовались, а машины сзади сигналили нам. Глупцы! — думали мы и смеялись. Никогда еще светофоры нашего города не горели красным так мало времени.

— Что бы ни было в нашей жизни, давай всегда вот так целоваться на светофорах, когда они горят красным, — сказал он.

— Давай! — я была абсолютно счастлива в тот момент.

Часть 1. Начало. До рождения Эльль

Сезон первый

2006

За восемь лет до рождения Эльль

Декорации. Заставка. Свет

Вначале был *танец*. И танец был у меня. И я была танцем.

А потом был Илан. Но чтобы рассказать об Илане, я должна начать с танца.

Танец был в моем теле, в моих бедрах, под моими костюмами. Я укутывалась в шаль и позволяла музыке уносить меня на восток, то медленно раскачиваясь под платками, то широко распахнув руки. Каждый раз танец рождался во мне заново — другой, новый, мой. Тысяча и одна история. Танцами. Бедрами. Шалями.

Мне было семнадцать лет, когда я решила выступать и преподавать *восточный танец живота*.

Откуда во мне такая дерзость — непонятно. На самом деле я очень стесняюсь: мне всего семнадцать, а я уже выступаю в ресторанах, мне неловко. Я прошу маму сшить мне костюмы, но не слишком открытые. Я хочу, что бы у меня были покрыты плечи и закрыта грудь — это странно для восточных танцев, но по-дру-

гому мне некомфортно. На выступления в рестораны я езжу с мамой. Там темно, накурено, разные люди подшофе. Зритель хочет шоу, а я стою посреди зала со своими закрытыми плечами и тихонько *танцую*, именно тихонько. Я не уверена в себе, в своем костюме, в выборе музыки, в танце, где так важны раскрепощенность и игра со зрителем. Но, тем не менее, *я танцую*.

А днем я преподаю в огромном спортивном зале городской школы — занимать зал для занятий целых два раза в неделю разрешили мне мамины друзья, спортивные тренеры. В зале пахнет резиновыми матрасами и хлоркой. Музыкальный центр я достала через друга: там иногда заедают диски, а его мощности едва хватает, чтобы озвучить даже не половину помещения, но я не унываю. Я буду вести *танцы!* Вот оно — безумие молодости...

Мой самый первый урок: в зал входят женщины старше тридцати, а некоторым даже больше пятидесяти, каждая из них пришла сюда после рабочего дня.

В будущем я узнаю, зачем женщины идут на мои уроки: чтобы отключиться от внешнего мира, окунуться в мир женственности, где танцевальной шалью можно укутать плечи, а в звоне монет на бедрах увидеть и принять свое тело. Женщины приходят, чтобы видеть себя в зеркале, детально узнать свое отражение и научиться нравиться себе, в первую очередь! Приходят, чтобы получить от меня — осанку, знания и опыт, энергетику. Вот зачем они приходят ко мне!

А здесь нет зеркал, музыка приглушена плохой акустикой, учительнице всего семнадцать лет. С этим сложно погрузиться в мир чарующего Востока, как было обещано на моих дешевеньких флаерах, которые я сама рисовала и раздавала повсюду.

— Где учитель? — спрашивают меня женщины, рассматривая зал.

Я хочу обернуться и позвать кого-то из старших: пусть придет и разберется вместо меня с этими тетками. Мне становится немножко не по себе, но мой голос произносит:

— Я здесь учитель, — и тело начинает командовать *танцевать*. Женщины танцуют за мной. Урок начинается и проходит вполне сносно.

Ученики меня вдохновляют. Я так боюсь их разочаровать, что очень тщательно готовлюсь к каждой встрече.

За первый месяц работы учителем танцев я узнаю больше, чем за годы своих тренировок! Чтобы увлечь своих учениц, я постоянно выдумываю новые фишки — новые движения в танце, придумываю костюмы на весь коллектив, постановку совместного выступления, женские вечеринки.

За два года преподавания я организовала два больших концерта для тридцати танцовщиц на большой сцене с завораживающей программой — зрители и исполнители были в ударе!

...Мне двадцать лет. Февраль 2009 года. Мы вместе с Иланом переезжаем в Лос-Анджелес. Это большой и новый для меня город, город артистов, танцоров, людей искусства — плюнешь случайно и попадаешь в актера или танцовщицу. И я — все та же неуверенная в себе девочка. Конечно, за плечами почти три года опыта преподавания и выступлений в Израиле, но здесь необходимо все начинать с нуля. Самой. И без мамы.

Я всего боюсь: я боюсь даже просто гулять по улицам сама — я кажусь себе очень маленькой в таком огромном городе.

Начинаю просматривать местные форумы восточных танцев — ищу единомышленников, пытаюсь понять, как работать в Лос-Анджелесе.

С чего вообще начинать?

Илан мне во всем помогает. Он понимает, что без танцев я не могу жить, а значит, вероятно, могу бросить его и уеду домой. Поэтому он всячески способствует моим поискам: сам возит меня — ведь у меня нет прав, и регистрирует на конкурсах — ведь я сама стесняюсь, буквально держит меня за руку, когда я сильно переживаю.

Покорять Лос-Анджелес я начала с открытых площадок, сцен фестивалей и тематических вечеров, где мог выступить любой желающий. Я только регистрировалась — заполняла формы участия, а Илан возил меня на другой конец города и стоял в пробках, пока я подолгу ждала за кулисами, чтобы потом выступить пять минут там, где не всегда набиралось даже пять зрителей.

Это было не очень веселое зрелище: отчаявшиеся в своем успехе танцовщицы выступали за негромкие аплодисменты. Помост или сцена были не всегда — мы часто танцевали просто между столами в ресторанах на грязном и липком полу.

Я танцевала для людей, которые быстро доедали свой ужин и отводили от меня взгляд, ведь посмотреть на танцовщицу — значит пообещать ей чаевые, поэтому лучше смотреть в свою тарелку. Но я продолжала свой танец потому, что хотела *выступить* в Лос-Анджелесе. Как и тысячи таких же, как я.

В одной такой кальянной, где от дыма выедало глаза, я наконец получила свои первые чаевые. девять долларов однодолларовыми купюрами! Мои первые деньги, заработанные в США. Ура! Это же почти целая десятка!

Илан тогда учился и ничего не зарабатывал, мы жили в Лос-Анджелесе уже четыре месяца, и это был наш первый общий самостоятельный заработок.

Но главное, я заработала свои первые деньги *танцем!* Я очень радовалась за себя. Даже больше — я гордилась собой! Теперь я точно могу покорить Америку — я буду выступать в Лос-Анджелесе! \$9...

6 июня 2010

**За четыре года до рождения Эль
Лос-Анджелес. Акт первый. Начало**

Мы с Иланом живем в Лос-Анджелесе уже полгода. Он учится в Школе Кино (Los Angeles Film School), а я ищу любые возможности влиться в танцевальную тусовку LA. Вот и сегодня мы возвращаемся из ресторана Vyblos в Санта-Монике — там каждые выходные проходит восточное шоу. Для меня такие рестораны — это разведка, учеба, такая библиотека, куда я прихожу изучать все вокруг: саму танцовщицу, ее технику и стиль общения со зрителем, моду на костюмы. Я изучаю зрителя, его поведение в целом и реакцию на танцовщицу живота в частности. Я внимательно рассматриваю работников ресторана — от официантов до диджея и менеджера. Я представляю себя частью этого мира.

Дорогой домой Илан произносит:

— Пора задуматься о финальном проекте — нужно сдать его в декабре.

— Но на дворе июнь, — парирую я.

— Так работают в кино, — улыбается Илан в ответ, — подготовка к фильму начинается заранее. Я хочу, чтобы это была уникальная работа, которая поможет мне распахнуть дверь в этот бизнес. Это должна быть моя визитная карточка!

— О чем ты хочешь снимать? — спрашиваю я.

— Я еще не уверен, но хотел бы снять что-то на тему арабо-израильского конфликта.

Я сразу загораюсь этой идеей. Тема конфликта волнует каждого израильтянина, особенно пока он молод,

наивен и готов изменить мир — я не была исключением, ведь с пятнадцати лет я сама занималась этим: представляла молодежь Израиля в Бостоне (США) и Русте (Германия), одно время даже хотела быть политиком и послом Израиля... Но танец взял верх!

Мы начали писать сценарий: придумали непростые образы наших героев, разработали замысловатую сюжетную линию. Я писала диалоги, и даже шутила, что скоро к нам в квартиру постучат из ФБР, ведь такое количество запросов в гугле слов «джихад», «террорист» и «конфликт», может напугать «старшего брата».

Закончив сценарий, мы стали вместе искать финансирование для съемок: целыми днями вдвоем обивали пороги студий и кабинетов продюсеров, вдвоем проводили кастинг актеров, вдоль и поперек исколесили окрестности Лос-Анджелеса в поисках подходящих локаций, вместе репетировали и утверждали весь проект.

Сценарий настолько хорош, что компания Fujifilm соглашается нам помочь — подарить пленку. Снимать на настоящую пленку было задумкой Илана: он не хочет снимать на цифру, хоть пленка 36 мм гораздо более дорогостоящая затея.

Денег на проект у нас ничтожно мало, поэтому мы на всем экономим и максимально делаем сами. Мои танцы уходят на второй план, я с головой окунаюсь в фильм. Наш фильм!

Во время съемочных дней, которых всего четыре, мы работаем по шестнадцать часов в сутки. На съемочной площадке я исполняю роль сразу нескольких киношных департаментов.

— Алиса, мой production designer бросил меня, ушел в середине дня! Ты должна срочно придумать, где мне взять скатерть для следующего кадра, — психует Илан.

И я, как волшебница, нахожу скатерть.

— Алиса, мне нужно, чтобы у актеров был пот на лбу! Как сделать им этот чертов пот?!

— Давай побрызжем на их лоб детское масло? — выкручиваюсь я.

Идея с детским маслом, кстати, была не самая удачная: масло попало в глаза, и мы потеряли много времени, возвращая актеров в строй.

Снимать фильм сложно, но увлекательно. Это настоящее чудо, когда из ничего (идея пришла к нам в голову, когда мы ехали по бульвару Санта-Моники) рождается *история* героев — сначала на бумаге, а потом на экранах, и вдруг появляется короткометражное кино! Настоящее кино! Кино, к которому я имею самое прямое отношение — я его создала! Я что-то создала! Теперь это кино увидят все!

5 октября 2011

За три года до рождения Эль

И вот настал тот день, когда наш фильм выходит к зрителям — премьера! И это не просто зрители: мы стали отправлять наш проект на различные кинофестивали, одиннадцать (!) кинофестивалей в мире (включая Австралию) отобрали наш фильм для показа. Каждое письмо из такой кинокомиссии радовало нас больше предыдущего.

Сейчас мы с Иланом в Израиле. Наш фильм будут показывать на фестивале в нашем родном городе. Так волнительно!

На днях Илан дал интервью двум ведущим телеканалам. Конечно, мне очень хотелось, чтобы во время интервью я была рядом с ним, но это *его* работа... Да и какая на самом деле разница, кто дает интервью на телевидении, ведь главное, что наш фильм заметили!

И вот мы стоим у кинозала возле огромной красочной афиши. На мне платье длиной чуть выше колена с тюлевым подъюбником, наподобие балетной пачки, в стиле пин-ап, белое в черную крапинку. Я нашла это платье на распродаже в Лос-Анджелесе и влюбилась в него сразу.

Я с распушенными волосами, которые сама уложила утром утюжком. На улице жарко — было бы логичнее собрать волосы в хвост, но красота требует жертв (или пота?). На мне золотые сережки в форме спирали с маленькими камушками, слишком нарядные на каждый день, но на сегодня — в самый раз!

Илан сегодня беспримерно хорош, у меня замирает сердце, когда я смотрю на него: такого элегантного, сияющего, даже капельку неприступного, как сейчас, ведь обычно он носит шорты и футболки, а сегодня — на нем белая рубашка. И не просто рубашка, а с запонками!

На прошлый день рождения Илана я отыскала в недрах Ебау эти винтажные застёжки в форме кинокамер. Илану подарок понравился, хоть выгулять эти запонки ему было негде. Теперь момент настал: кинокамеры идеально смотрятся на белых манжетах!

Застегивая эти чертовы запонки, я немного испортила маникюр: откуда мне было знать, как правильно их использовать?! Но мои жертвы были не напрасны — эта маленькая деталь, аксессуар, была как бы символом воплощения нашей принадлежности к киномиру.

Два года назад мы уезжали из Израиля в город ангелов на берегу Тихого океана, где никого и ничего не знали... А сегодня мы стоим возле афиши *нашего* фильма, который сняли в самом настоящем Голливуде, на пленку 36 мм, и этот фильм показывают в разных странах на кинофестивалях!

Илан улыбается, и в этот миг кажется мне таким родным, несмотря на свою неприступную красоту. Я искренне восхищаюсь им. И нами!

Мы просто мини-американская мечта — голливудская пара. Нас фотографируют наши родственники и друзья. Ощущение, словно вокруг нас столпились папарацци, а мы — настоящие звезды.

Это первый фестиваль, где мы будем сами представлять наш фильм.

С нами много родственников, все нас поздравляют. Ну, то есть, поздравляют в основном Илана, я больше просто рядом стою... Иногда мне хочется закричать им всем:

— Эй, это и мой фильм тоже! Вы титры-то читали?!

Но очень не хочется портить Илану настроение в этот миг его славы. Все-таки кино — это не мое, мое же — *танец*. Я здесь для того, чтобы поддержать любимого, не за похвалой...

Мы заходим в кинозал — там, в основном, наши друзья с семьями, но есть гости, которые пришли посмотреть именно наш фильм.

Хорошо, что кино длится всего одиннадцать минут, потому что сидеть в жестком тюлевом подъюбнике ужасно. К тому же боковая молния платья больно врежется в подмышку: сегодня с утра я как-то неудачно застегнула ее. Черные лаковые туфли с открытым носком немного натирают. Сейчас я хотя бы могу незаметно разуться, чтобы мои ступни расслабились в темноте кинозала.

Я смотрю наш фильм на огромном экране и испытываю безмерное чувство гордости. Вот здесь — мой диалог, моя идея показать героя именно так, это мой пот на лбах актеров! Тот самый несчастный пот. В прямом и переносном смысле.

Фильм длится одиннадцать минут. Всего одиннадцать. Но сколько времени и сил вложено в эти минуты!

Титры.

Вспыхивает свет, мы слышим аплодисменты. Люди встают, аплодируют, улыбаются.

Ведущий выходит на сцену, зовет Илана присоединиться. От волнения у меня вспотели ладошки, я постоянно вытираю их о голые коленки. Какой он красивый, мой Илан!.. Я поворачиваю голову и вижу его отца, который вот-вот заплачет от гордости. Вижу свою маму. Все взгляды устремлены на Илана, когда он встает со своего места и двигается на сцену.

Илан выходит и начинает рассказывать про наш фильм. Я сижу, изо всех сил стараюсь держать спину ровно, «сохранять спокойствие», разглаживаю складки на платье, поправляю бретельки, облизываю зубы, чтобы не дай бог там не оказалось помады: ведь сейчас и меня позовут. Жду момента, когда Илан начнет говорить про меня. Он рассказывает смешные истории со съемок, зал реагирует улыбками.

Я жду.

Напряжение достигает предела. Я продумываю слова, повторяю, чтобы ничего не забыть.

Начинаются благодарности.

— Я хочу сказать спасибо моему отцу, — говорит Илан. Я отряхиваю подол платья в нетерпении, еще шире расправляю плечи. Капелька пота стекает у меня между лопаток. Очень медленно.

— Благодаря моему папе мы смогли снять этот фильм! — вдохновенно несется со сцены. — Если бы не ты, папа, ничего бы этого не было. Спасибо тебе, — Илан выдерживает актерскую паузу. Зрители хлопают. — И спасибо всем вам, — обращается он к публике, — что пришли сегодня поддержать меня!

Снова аплодисменты. Зрители встают и идут к сцене поздравлять Илана.

Это все? Как все? Да, больше он ничего не говорит. Илан пожимает руки поздравляющим, кого-то даже обнимает и похлопывает его по спине. Все закончилось? Не может быть, а я?..

Я сижу в своем кресле как приклеенная. Все с такой же ровной спиной. Не могу расслабить плечи. В горле будто ком застрял. Чувство несправедливости накрывает меня с головой.

Это нечестно!!!

Хочется кричать, но я молчу и не могу пошевелиться. Хочется плакать. От обиды. Натыкаюсь взглядом на разочарованное лицо моей мамы. Она-то знает, сколько дней и сил я отдала этому проекту. Мама ведь тоже ожидала увидеть меня на сцене. Чтобы не расстраивать ее еще больше, я всеми силами пытаюсь скрыть разочарование и выжимаю из себя улыбку.

— Здорово, мам, да? — спрашиваю я. — У Илана большое будущее! Вот когда он будет получать Оскара, я уж точно буду стоять рядом с ним!

6 июня 2009

За пять лет до рождения Эль

Калифорния. Фестиваль Восточных Танцев в Лонг-Бич. Сотни танцовщиц вместе — это три этажа банкетного зала. Мастер-классы с утра и до вечера, три открытые сцены, базар костюмов и танцевальных аксессуаров. Тематические шатры — рисунки хной на теле, гадания на картах, в воздухе летает блеск, которым танцовщицы покрывают все свое тело. Отовсюду звучит восточная музыка — не только из динамиков, здесь есть и живые инструменты — барабаны отбива-

ют ритм постоянно. Даже если не умеешь, все равно захочется подхватить мелодию.

Я танцую в шатре с живой музыкой. Это у меня получается особенно хорошо — я люблю импровизировать под барабаны, мне это удается легче, чем выдумывать хореографию под CD. Я танцую долго, минута за минутой, почти вхожу в транс и уже не замечаю ничего вокруг. Все, что волнует меня в эту минуту — мое тело. Земля под босыми ногами, ветер с океана и звук барабана. Дум-тек-тек-дум-тек... Дум-тек-тек-дум-тек...

Ведь настоящий танец для меня — это такая вот импровизация, в шатре с живой музыкой, не заготовленный заранее, не отрепетированный зов души. Куда нога ступает, туда за ней и пойду. Куда бедро уводит движение, за ним и поплыву...

— Ты очень здорово танцуешь! Откуда ты? Почему я тебя раньше не видела? Ты давно в Лос-Анджелесе? — все эти вопросы мне задает блондинка невысокого роста, лет тридцати пяти. В коляске перед ней ребенок полутора лет. У блондинки идеально белые зубы, она хочет узнать обо мне все и сразу.

Я отвечаю:

— Меня зовут Алиса. Я здесь недавно и приехала из Израиля, — рассказываю я.

— Из Израиля? — восхищается собеседница. — Вот здорово! Обожаю Израиль! Мои родители тоже из Израиля, но я родилась и выросла в Лос-Анджелесе! Меня зовут Линда. У меня есть свой ансамбль. Мы выступаем каждый день. Хочешь танцевать со мной? У меня много работы! И я всегда ищу новых талантливых танцовщиц! — тараторила девушка с белыми волосами.

Вот это да! Меня только что пригласили на работу! Рано радоваться, конечно, но вдруг? А вдруг из этого что-то получится?

— Приходи в понедельник на репетицию. Я дам тебе адрес. Посмотришь, познакомишься с девочками, — продолжает между тем Линда.

— Хорошо, я обязательно приду! — обещаю я.

9 июня 2009

За пять лет до рождения Эль

Я не просто пришла — Илан согласился отвезти меня на эту репетицию. В понедельник в девять вечера. Студия, где снимает зал Линда — довольно тусовочное в мире танцев Лос-Анджелеса место. Здесь проводят крутые уроки и репетируют танцоры и ансамбли, которые могут себе позволить высокую арендную плату. В студии пахнет потом и усердной работой. Из каждой комнаты слышна музыка, приглушенная, словно через подушку. Хореографы считают ритм. В коридорах красивые люди — загорелые стройные тела, убранные волосы, растянутая одежда. Все вокруг выглядит фрагментом голливудского фильма. Мне кажется, что я совсем сюда не вписываюсь.

Линда выходит к нам навстречу. Сияет своей бело-снежной улыбкой.

— Привет! Как здорово, что вы пришли! Пойдем, я познакомлю тебя с девочками! — обращается она ко мне и открывает дверь в зал.

На репетиции двенадцать танцовщиц, все они хорошо знакомы и станцованы между собой. Они танцуют на каблуках отточенный до мелочей рисунок, который пугает меня своей резкостью и отсутствием души. Это совсем не похоже на *мои танцы* босиком в шатре с барабаном.

Линда останавливает музыку и громко обращается ко всем:

— Эй, внимание сюда! Это Алиса, и она, в отличие от вас, умеет *танцевать* и понимает, что такое настоящий танец!

Тут я готова провалиться сквозь землю. Зачем она так сказала?! Зачем она сразу поставила такой барьер между мной и этими танцовщицами? (В будущем я узнаю, что Линда делает так всегда со всеми новенькими. Это был способ сразу возвести барьер между новичком и ансамблем, сразу не дать ему влиться...)

— Станцуете нам — какую музыку тебе включить? — спокойно спрашивает одна из танцовщиц.

— Любую, — робко отвечаю я, стараясь всем своим видом показать, что не создам никаких проблем коллективу, но вышло так, словно я зазнайка и умею танцевать все подряд.

Танцовщица удивленно приподняла бровь, так как другие обычно приходят в класс с готовой постановкой, а я решила импровизировать. Тем не менее, она поставила мне известный популярный трек.

Я *танцевала*. А танцуя — переживала, следила за их реакцией и все искала в их взглядах, мимике хоть какие-то намеки на то, что я им нравлюсь. На мое счастье, девочки оказались приятными, уже во время танца они заулыбались и стали хлопать. Отлегло.

— Выйдем поговорить? — предложила Линда, когда я закончила.

Мы вышли в коридор. Линда стала рассказывать, что у нее самая лучшая танцевальная компания в Лос-Анджелесе (тогда я не знала, что так про свои ансамбли говорят в LA все); что ансамбль выступает каждый день, даже в будние дни, а в выходные у них по пять-семь шоу за ночь. Она сразу отметила, что платит мало. И добавила, что ей нужны красивые, сильные танцовщицы, которые водят свою машину.

— У меня нет водительских прав, — грустно сказала я.

— У меня есть, я буду ее возить, — вдруг сказал Илан. Он стоял рядом. Все это время он ждал меня у дверей студии.

Мы с Линдой удивленно посмотрели на него.

— Возить придется много. Ты уверен? — настойчиво уточнила Линда.

— Да, конечно! — ответил Илан.

Я посмотрела на Илана и на его готовность возить меня везде ради моего успеха, и стала любить его чуточку больше.

...Вот так я стала танцовщицей в ансамбле у Линды. Уже со следующей репетиции я начала усердно учить репертуар ансамбля. В первую же репетицию мне пришлось разучивать сразу три танца! А в целом я освоила порядка двадцати пяти танцев и постановок за тот год, что работала у Линды.

Хочу отметить, что репетиции танцовщицам никто не оплачивает. А у нас их было две в неделю, по три часа каждая.

Да и за сами выступления Линда действительно платила мало, ничтожно мало! Раз в пять меньше, чем я потом зарабатывала, танцуя соло. Заработать не получалось: все уходило на бензин и занимало много времени и сил.

Но Антуанетта счастлива и горда собой: она работает, она танцует.

5 июля 2009

За пять лет до рождения Ээль

Акт второй. Друзья vs Семья

У меня появилась подруга в ансамбле — Элизабет. Она итальянка с европейским и канадским паспортами. Лиз старше меня на два года, мы с ней очень похожи. Люди часто спрашивают, не сестры ли мы.

Завести друзей в Лос-Анджелесе — еще тот квест. Все всегда заняты, куда-то торопятся (чаще всего на прослушивания или репетиции), занимаются исключительно только собой и своим творчеством.

Оказалось, что Элизабет живет в пяти минутах ходьбы от нашего дома — для Лос-Анджелеса это просто чудо. В LA мы везде передвигаемся только на машине — у нас нет друзей на расстоянии пешей прогулки.

Наша дружба начиналась так: однажды Лиз просто позвонила мне и спросила:

— А там у вас в Израиле принято пить чай с вкусняшками?

— Я думаю, что этот обычай у меня в крови! — обрадовалась я.

— Тогда приходи ко мне в гости! У меня есть шоколадка. Поболтаем.

Я сразу испугалась и сказала: нет, не могу. Как я пойду в гости? В Лос-Анджелесе, одна. Одна буду идти по улицам, а потом сидеть и разговаривать с незнакомым человеком in English?!

Ну уж нет! Я одна лучше дома посижу.

— Oh, come on, Alice, — быстро проговорила Элизабет на мою отговорку, — я выхожу к тебе навстречу. Где мы с тобой встретимся?

Я растерялась и почувствовала себя неловко — меня впервые зовут в гости на новом месте! Надо идти из приличия и уважения.

— Мы обе с тобой живем возле Аллеи звезд на Голливудском бульваре! Давай выберем звезду? — предложила я.

— Прекрасно! Я считаю, что звезда Гудини ровно посередине между моим и твоим домом. Давай у Гудини? — небрежно бросила Элизабет.

— Тогда у Гудини! А кем был Гудини? — наивно спросила я.

— Вот встретимся — я расскажу! — заверила меня Элизабет.

Мы подружились и стали много времени проводить вместе.

Элизабет жила со своим парнем, иранцем Навидом. У нее, как и у меня, не было водительских прав, поэтому Навид везде возил Лиз, как Илан меня. А теперь на репетиции нас возили то Илан, то — Навид.

Чаще всего нас привозил именно Навид. Некоторые рестораны, в которых мы выступали, находились ужасно далеко от Голливуда — 50 км в одну сторону! В час пик мы могли добираться на площадку все два часа! Илан, хоть и обещал всегда возить меня, но со временем устал и очень не любил так далеко ездить. И в те редкие случаи, когда везти нас выпадало ему, Илан делал это с такой неохотой, которая так красноречиво вырисовывалась на его лице, что Элизабет настаивала, чтобы нас вез исключительно ее Навид.

9 сентября 2009

За пять лет до рождения Эльз

К нам в гости приехал отец Илана (с мамой Илана они в разводе). Я называю его просто Игорь. Мы с ним в очень хороших отношениях, общение с ним не напрягает, несмотря на разницу в возрасте. Многие мои

друзья удивляются: мол, как я могу так мило дружить с папой бой-френда? Не знаю... Он ко мне очень тепло относится, как будто немножко заменяет мне родного отца...

Я радуюсь, когда Игорь появляется у нас в гостях. По вечерам мы садимся пить чай, он достает свои тонкие сигареты, выкуривает их одну за другой, пуская тонкие струйки дыма, и начинаются *истории*.

Возле Игоря и Илана я чувствую себя в безопасности и даже какой-то беспечной. Я знаю, что они обо всем позаботятся — Илан всегда заботится обо мне, а там, где Илан не сможет, Игорь встанет за нас горой — Игорь очень любит сына и все для него делает. Я понимаю, что получаю любовь Игоря только потому, что меня выбрал Илан, но я не обижаюсь. Мне не хватает отцовской заботы и любви, поэтому я охотно принимаю ее.

Игорь часто рассказывает о том, как Илан был маленьким, и из каждого такого сюжета очевидно, что из пяти своих братьев и сестер Илан — папин любимчик. Все дети Игоря — от разных женщин, разница между старшим и младшим почти 30 лет. Сейчас Игорю около пятидесяти и он опять молодой папа.

У него есть *история* про каждый свой брак, в этом даже сквозит некое хвастовство. Честно говоря, меня немного коробит такой подход к институту семьи, но папа Илана говорит обо всем с таким шармом, что поневоле поддаешься его обаянию и отвлекаешься от этических аспектов повествования.

Чаще всего он рассказывает о своем предпоследнем браке, с мамой Илана, Лерой. Они познакомились, когда Игорю было двадцать пять, за плечами два брака и двое детей: мальчик от первого и девочка от второго. Знакомство с Лерой пришлось как раз на второй

брак, но любовь с ней была такой сильной и стремительной, что Игорь, не раздумывая, ушел от второй жены.

Когда я слушаю эту историю, мне кажется, что отец Илана до сих пор любит Леру. Со времени их развода прошло уже более пяти лет, а я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы Игорь не говорил о ней. Даже когда мы остаемся вдвоем без Илана, гуляем по городу, идем съесть пиццу, пока Илан в своей киношколе, Игорь обязательно где-нибудь в диалоге упоминает Леру — большая тема. А ведь у него уже новый брак, маленький ребенок...

Илан реагирует на папины истории про маму по-разному: где-то смеется, где-то говорит, чтобы папа не придумывал лишнего, а иногда открыто заявляет:

— Пап, но ты тоже, прямо скажем, не лазурный талит¹.

Кажется, Илан не принимает ничью сторону в разводе — он одинаково зол на обоих родителей. Но на маму — чуть больше. Папе в этом признается редко, да и маму особо не защищает.

По вечерам, когда мы ложимся спать, Илан крепко обнимает меня и говорит:

— Я не хочу, чтобы у меня было так, как у папы.

— Как так? — спрашиваю я.

— Столько жен, дети от разных браков... — объясняет Илан. — Я хочу быть с тобой всегда и чтобы у нас было шестеро детей! — добавляет он.

— Шесть?! — удивляюсь я.

— Да, шесть! Давай сделаем так — на каждый мною

¹ Идеального во всех отношениях, честного и кристально чистого человека можно назвать *талит ше-кула тхелет*, в переводе с иврита — «талит, который весь лазурного цвета».

заработанный миллион долларов ты будешь рожать мне ребенка! — предлагает Илан.

Я счастливо смеюсь, и мы засыпаем.

...Мы проводим несколько дней вместе с Игорем. Я в свою очередь рассказываю ему про свои *танцы*. Конечно, Игорь больше любит говорить, чем слушать, но я ему это прощаю. Его *истории* действительно куда насыщеннее моих. И я думаю, он особенно любит рассказывать их мне потому, что я очень благодарный слушатель.

Сейчас я хочу, чтобы Игорь пришел посмотреть на меня в работе. Я приглашаю его с Иланом на мое выступление с ансамблем.

За три месяца, что я танцую в коллективе, я стала увереннее в себе и, кажется, даже выросла в своем мастерстве. Я отточила технику, выучила все постановки номеров. Мне нравится, как я держусь на сцене — я расправила плечи шире, моя улыбка стала естественнее, я знаю, что и зачем я делаю, и мою уверенность можно увидеть со стороны.

Папа Илана привез мне из Израиля новый костюм для выступлений. Его сшила для меня моя мамуля: это пышная юбка-солнце и лиф изумрудно-зеленого цвета с переливающимися кристаллами. Это потрясающе красиво смотрится на моей загорелой коже. Мне уже страшно не терпится, чтобы меня поскорей увидели в этом костюме на сцене.

В этом ресторане мы выступаем регулярно: в общей сложности получается шесть раз в неделю, а по выходным аж два шоу за вечер. Четыре танцовщицы размещаются в маленькой гримерке два на два метра. В этой же комнатке хранятся наши костюмы для выступлений. Вдобавок к этому каждый раз мы привозим туда свои чемоданы на колесиках. Когда я

иду на выступление и везу за собой такой чемодан при полном параде, никто не должен догадаться, что я здесь «рабочая лошадка». Я вышагиваю в вечернем макияже на каблуках, и все думают, что я бортпроводница. Наверно.

Что можно найти в чемодане танцовщицы? Там обязательно припасена большая бутылка воды, полотенце, булавки, лак для волос, расческа, косметичка для макияжа, большая коллекция блесток, которыми осыпашь свое тело перед выходом на сцену, танцевальная обувь, костюм для соло (помимо общего, хранящегося в гримерке), «аптечка первой помощи» со льдом и пластырем на случай неожиданной травмы, швейный набор, если вдруг понадобится пришить неожиданно отвалившуюся от костюма кнопку, CD-диски — никогда не знаешь, как будет работать плеер.

В итоге в комнатенке тесно настолько, что поднять руки вверх всем четверем девушкам одновременно нельзя — сразу же кто-то рискует получить в лоб.

Шоу-программа длится двадцать пять — тридцать минут, на переодевание между номерами у нас есть от тридцати секунд до двух минут, тут уж как повезет. За одно шоу мы переодеваем четыре-пять костюмов. Сумбурно и весело шоу пролетает молниеносно. Публика нас любит, хлопает, танцует с нами. Это семейный ресторан, здесь дети и взрослые все вместе. И еда очень вкусная! Именно сюда я приглашу Илана и его папу посмотреть на меня!

И пришел этот день! Я особенно тщательно готовлюсь к этому важному для меня выступлению, ведь Илан и Игорь впервые увидят меня в составе ансамбля. Днем они гуляют, а я репетирую и настраиваюсь. Илан приходит домой в дурном расположении духа:

— Чем ты тут набрызгала? — недовольно морщится он. — У меня и так аллергия!

— Ничем особенным или новым, — тороплюсь оправдаться я. — Может, спрей для волос? Извини. Я брызгала у зеркала в ванной и давно, я не думала, что тебе будет мешать, — стараюсь сгладить его возмущение, чтобы не спровоцировать ссору перед поездкой.

— Мне все мешает! — не успокаивается Илан. — И эти блески по всему дому мне везде мешают, — его несет. — И выступления на другом конце города в час пик меня раздражают, — нагнетает Илан.

— Но ты мне обещал, — я пытаюсь робко возражать в ответ, и в этот момент мне страшно, что он решит никуда не ехать, и мы с Элизабет останемся без машины и водителя. Как мы тогда попадем на выступление?

Почему каждый раз, когда меня ожидает особенный вечер, где я должна прекрасно выглядеть и быть в хорошем настроении, Илану всегда удастся со мной поссориться? Я не припомню ни одного важного события, где бы он приложил минимальные усилия к тому, чтобы поддержать меня или хотя бы не портить то, что есть.

Илан сел за руль, рядом был его папа, мы с Элизабет разместились сзади. Я из последних сил старалась изобразить улыбку, создать приятную атмосферу в предвкушении своего выступления. Но всю дорогу в ресторан Илан не умолкая ворчал: то его раздражали жуткие пробки, то жара, то он вообще начинал предъявлять претензии по поводу моего мизерного заработка, ради которого он тащился сейчас черт знает куда... Несложно предположить, что после такого монолога никто в машине уже не хотел никуда ехать. Даже Игорь, который изначально был так хорошо настроен, начал сомневаться в целесообразности этого мероприятия. Я уже сгорала от стыда на заднем сидении, чувствуя, что стала виновницей этой нервотрепки, и мечтала, чтобы вечер побыстрее закончился.

Как назло, в ресторане почти не было свободных столиков. Это было популярное заведение и обычно места там бронировали заранее. Тем не менее, моих гостей посадили в хорошем месте. По правилам полагалось что-то заказать из меню...

— Я не голоден, я не буду ничего заказывать, — уперся Илан.

Я ничего не могла понять, ведь Илан обожает рестораны! Еду он заказывает всегда и везде, ради экспе-

римента и удовольствия. И именно здесь он вдруг не захотел ничего?

— Дорого и бессмысленно, — пояснил он и был почти готов уходить. А я хотела расплакаться.

— Пожалуйста, останься, я прошу тебя, — взмолилась я. — Я оплачú ваш ужин! Пожалуйста, закажи что-нибудь.

Они остались.

Я ушла в гримерку растоптанная и униженная. Это был первый раз, когда Илан приехал на мое выступление и не остался сидеть в машине — это был его шанс посмотреть мое выступление, ведь я так хотела, чтобы он увидел меня в танце, в работе с ансамблем! Это был первый раз, когда он познакомился с девочками из нашей группы, и мне так хотелось, чтобы он был милым и очаровательным, каким он очень хорошо умеет быть.

Внезапно мои размышления прервала распахнувшаяся дверь — Илан бесцеремонно ворвался в нашу гримерку.

— Вы скоро уже? — очень грубо спросил он.

— Я же тебе говорила, через двадцать пять минут от прибытия в ресторан, значит, — я посмотрела на часы, — еще минут пять и мы начнем.

— Давай скорее уже, — выпалил он так, словно в этом огромном ресторане только я решала, когда нам выступить.

Мне стало ужасно не по себе — я уже не хотела никаких выступлений. Ведь я так ждала этого вечера! Но сейчас у меня было только одно желание — провалиться от стыда сквозь землю...

Элизабет не выдержала и сказала при всех, на английском:

— Алиса, что за мужчина у тебя? Он тебя вообще уважает? Он ужасно вел себя всю дорогу, теперь распрягается тут... Он просто унижает тебя!

От неожиданности я не нашлась, что сказать и только пробормотала:

— Это все cultural differences¹. (На иврите это не звучало так угрожающе, как могло показаться со стороны...)

Выступила я в тот вечер как обычно. Не так, как умею, как хотела бы или как люблю. Технически я хорошо выполнила свою работу на сцене, но все время искала взглядом Илана. Одобряет? Нравлюсь ли я ему?

— Алиса, как всё здорово! — обрадовался Игорь. — Мне понравилась музыка, ресторан, ваше шоу — всё! Я в восторге!

— А тебе? — спросила я Илана.

— Не знаю, я привык видеть тебя в другом образе... Раньше ты танцевала по-другому. А теперь, работая в ансамбле, ты танцуешь не так, — пробурчал невыразительно Илан.

— Хуже или лучше? — допытывалась я.

— Не знаю, по-другому. Мне нравилось, какая ты была раньше...

А я... Замкнулась в себе и всю дорогу ехала молча. Я думала — что я о себе возомнила? Зачем я их тянула через весь город? И вовсе я даже не так уж и хорошо танцую...

7 октября 2009

За пять лет до рождения Элль

В ансамбле я нашла подруг — теперь у меня есть друзья в Лос-Анджелесе, которые зовут меня на вечеринки и пишут мне сообщения. Мы много работаем и репетируем, но мне хорошо — я делаю то, что люб-

¹ Культурные различия (англ.).

лю. И хотя особого дохода пока нет, сейчас это не важно. Я завишу от Илана, но все-таки я начала приносить зарплату и горжусь собой. Конечно, Линда очень непростой человек: она часто бывает в плохом настроении и делает нелепые замечания — некоторые из них не имеют ничего общего с танцем. Она может сказать, что у кого-то из нас некрасивые пальцы на ногах или слишком узкий разрез глаз... Что мы коротышки или, наоборот, дылды. Что нам всем пора делать силиконовую грудь или худеть. И никогда нельзя угадать, что она еще скажет, как поведет себя... Я только начинаю копаться в себе, искать доказательства ее словам или как стать лучше в ее глазах, но она уже находит новый изъян и опускает нас все ниже и ниже.

О том, чтобы хвалить наши успешные выступления, речи быть не может. Если мы отлично выступили, она просто молчит как рыба, но если не дай бог была ошибка хоть в чем-то, на нас обрушивается водопад гадостей...

В эти выходные у меня был огромный успех в одном из клубов, публика аплодировала стоя, и хозяин был счастлив. Он даже позвонил Линде и похвалил меня. Я не знала про этот звонок и пришла на репетицию в понедельник довольная собой, окрыленная успехом. Я не собиралась никому ничего говорить, мне самой было приятно знать, что я так хорошо выступила.

На репетиции Линда сразу прицепилась ко мне:

— Посмотрите на нее: думает, что звезда! Прямо Фифи Абду¹. Тьфу! Ты — ничто и не думай, что могла кому-то понравиться. Просто публика уже была пьяная, вот и хлопала так...

¹ *Фифи Абду* — известная египетская танцовщица.

Это был сильный удар. Я еще не выработала иммунитет против ее гадостей, и меня больно подкосила ее критика. Я была унижена и расстроена... Я все равно старалась быть лучше! Но какие бы усилия я ни прилагала, Линда пожимала плечами или махала в мою сторону рукой и говорила:

— Ну нету этого у тебя, понимаешь? Нет в тебе огня — ты никогда не сможешь понравиться зрителю.

Я не могу уйти из ансамбля. Я не могу нахамить Линде — она пообещала, что поможет мне с рабочей визой. Она мой единственный шанс остаться в Лос-Анджелесе. Получить сейчас рабочую визу в США вообще не просто, а уж получить визу артиста, да еще в Лос-Анджелесе — это безумная мечта! Для этого тебе надо долго доказывать, что ты достойна этого. Не просто достойна, а незаменима и равных тебе в штате Калифорния не должно быть! Иначе зачем тебе давать визу?

Я собираю о себе целое досье — свои успехи, выступления в Израиле, фото и видео своих концертов... Но этого недостаточно. Самое главное — надо найти работодателя или спонсора, который официально возьмет тебя на работу и предоставит государству доказательства, что у него серьезная компания, которая нуждается именно в таком специалисте. Это не просто. Нет, вру — это почти нереально! Но Линда говорила, что поможет, поэтому я терплю все ее выходки.

10 ноября 2009

За пять лет до рождения Эль

Почти все документы готовы. Мы с Иланом нашли мне крутую женщину-адвоката, которая занимается именно визами для артистов со всего мира. Она помогла мне собрать кучу разных «бумажек» — файл размером с «Война и мир». Я и сама не знала, как

многого я стою, пока не почитала о себе в этих записях.

Линда согласилась подписать для меня документы — мне нужна от нее последняя подпись, и тогда, если все получится, мне дадут рабочую визу! На целый год.

Только подать профайл надо срочно, потому что у моей туристической визы заканчивается срок действия, и я обязана подать заявку, пока еще легально нахожусь на территории Штатов.

И вот сегодня четверг — день, когда мне нужно отправить последние документы моему адвокату, Линда отказывается подписывать мои бумаги, пока не вернется из какого-то путешествия.

— Линда, я прошу тебя, я приеду в любую точку. Мне необходима эта подпись сегодня! — пытаюсь объяснить я Линде по телефону.

— Я вернусь во вторник, и мы поговорим, — отвечает она.

— Ну, мы же уже обсудили всё... Я думала, мы договорились. Я взяла адвоката и это мой последний шанс: в понедельник закончится моя турвиза, и тогда я окажусь без статуса и без визы. В таком случае мне не только не дадут рабочую визу, а не ровен час, вообще могут депортировать из страны. Пожалуйста, Линда, — заклинаю я чуть не плача.

— Я подумаю, — и отключила телефон.

Я сижу натянутая как струна: от ее настроения сейчас зависит, смогу ли я остаться в Лос-Анджелесе или нет. Через час я перезваниваю снова:

— Линда, умоляю тебя! Куда мне подъехать за твоей подписью?

— Не сейчас, я занята, — нехотя отвечает она и снова отключается.

Я в нервах жду еще полдня. Я ничего не могу делать. И Илан еще нагнетает:

— Зачем мы платили адвокату?

— Она подпишет, — еле слышно говорю я, но сама в этом уже совсем не уверена.

Ближе к вечеру я звоню опять...

— Хорошо, приезжай.

Мне отлегло, и мы помчались через весь город — она подписала!

Завтра передам документы адвокату и... Неужели я получу рабочую визу?

2 декабря 2009

За пять лет до рождения Ээль

Акт третий. Танцовщица с документами

Я не верю своим ушам, прыгаю по всей квартире и верещу от восторга! Только что звонила мой адвокат:

— Алиса, я тебя поздравляю, твою заявку одобрили — у тебя есть рабочая виза!

Как я радуюсь, ведь теперь я точно и легально остаюсь в Штатах! Я буду жить и работать в Лос-Анджелесе и я сама этого добилась! Благодаря танцам — я не могу в это поверить!!!

Я хочу отпраздновать свою победу. Дело не только в самой визе — это билет в будущее! Главное дело во мне.

Люди часто не воспринимают меня всерьез, когда я признаюсь, что *танцовщица*. Ладно бы танцевала в балете на сцене Большого театра. Тоже особого ума не надо, но есть статус, — думают они. А уж когда я рассказываю людям, что танцую восточный танец, он же танец живота, еще и в клубах и ресторанах, то я вижу, как меняется их взгляд: вот уж велика профессия, попой крутить! Но мало у кого из них есть рабочая виза по специальности! Теперь вы понимаете, как хорошо я умею крутить попой, если штат Калифорния считает, что моя попа такая ценная и незаменимая,

и дал мне визу как специалисту восточных танцев! Ха! Съели все?!

У меня рабочая виза Соединенных Штатов Америки.

18 февраля 2010

За четыре года до рождения Эль

С этого момента я прошу всех обращаться ко мне — Танцовщица Живота Вселенной! Шучу.

Просто на этих выходных я опять выступала на конкурсе. Я бы сама не пошла — я слишком неуверенна в себе и в своих силах, но Илан настоял:

— А вдруг в следующем году тебе надо будет обновлять визу артиста? И ты должна показать, чего уже добились в Калифорнии! — приводит он логичные аргументы.

Похоже, что он прав: работы в ансамбле будет недостаточно для продления визы, я должна повышать квалификацию и становиться лучше — я соглашаюсь.

Если честно, мне не очень понравилось, как я выступила, но, с другой стороны, по-моему, не было еще ни одного выступления, после которого я бы сказала себе — да, Алиса, ты выступила отлично!

На конкурсе я взяла сразу четыре призовых мест! То есть в каждой категории, в которой участвовала. Плюс получила приз зрительских симпатий от танцовщиц — то есть это танцовщицы в раздевалке и за кулисами выбирают самую общительную и интересную участницу. Ума не приложу, как мне — иностранке, удалось отхватить эту награду! Я даже не знала, что такая категория существует. Теперь у меня в комнате стоят все четыре кубка этих соревнований — это греет душу, это прекрасный результат, и это поможет мне остаться в Штатах!

Линда *никак* не отметила мою победу. Девочки в ансамбле пытались поддержать меня:

— Ты не расстраивайся, что она тебя не поздравляет — она несколько раз потерпела неудачу в этом конкурсе: не доходила даже до финала.

Ну что ж, в конце концов, почему за меня должна радоваться руководительница ансамбля? Это не ее работа!

6 июня 2010

За четыре года до рождения Элль

Вот уже полгода я законно работаю и живу в Лос-Анджелесе. И уже год работаю с Линдой. Совсем скоро я сдам последний экзамен, получу водительскую лицензию, и Илану больше не надо будет меня никуда возить. Он много нервничает по этому поводу и вечно подкалывает меня:

— Что, все еще веришь, что девочки из ансамбля — твои подружки? Почему же они тебя не возят? — каждый раз Илан бередит сомнения в моей душе.

— Они подвозят, но не всегда у них получается. Я скоро сама получу права и смогу уже ездить, — неловко оправдываюсь я, но сильно ссориться не хочу — ведь именно у него сейчас полная власть над моей работой. Захочет — отвезет меня, не захочет — не отвезет... Я переживаю каждый раз, каждый день, и это стоит мне таких нервов, что лучше помалкивать, чем спорить.

Выступать в ансамбле все-таки здорово — это офигенный драйв! У нас бывает сразу несколько шоу за вечер, и хоть это напряжено и стрессово, но все равно очень здорово! Мы не всегда успеваем переодеться между выступлениями и изредка садимся в машины прямо в костюмах, поражая других водителей своим экзотическим видом, потом мы влетаем в нужное ме-

сто, на ходу крепим на себя нужные аксессуары и танцуем прямо от входа — такой крутой выход ансамбля!

С таким расписанием, естественно, я похудела и сейчас вешу всего 47 килограмм. А что, мне кажется, мне идет такая худоба. Мы много работаем, а когда нужно поесть, я не всегда расслабляюсь. Я кушаю лишь потому, что часто думаю о Линде — она нагоняет мне аппетит. С того конкурса в феврале отношения между нами натянутые. Я чувствую, что раздражаю ее всем — своим танцем, своей внешностью, даже своей молодостью... Я стараюсь вести себя тише воды и ниже травы, но с ней все равно трудно.

Она не очень логично составляет расписание выступлений: если я живу в Голливуде, она обязательно поставит меня в шоу в Orange County (50 км от Голливуда), а другую танцовщицу, которая живет в Orange County, отправляет на шоу в Беверли-Хиллз (двадцать минут от Голливуда). Сколько ее ни проси, она всегда делает ровно противоположное от удобного и логичного. Я всегда в стрессе от ожидания того, в каком месте я буду выступать и кто меня спасет, если Илан не сможет меня подвезти.

Выступать с самой Линдой еще труднее. Во-первых, она всегда опаздывает. Мы приезжаем за полчаса до выступления, чтобы обсудить предстоящее шоу. Линда появляется лишь за пять минут до начала.

Она всегда приходит не готовой: то не покрашена, то ее волосы еще влажные после душа... Мы ждем ее, помогаем, а она только критикует всех:

— У меня сегодня нет помады, все сотрите ваши губы!

Если ей удастся не испортить кому-то настроение перед самым выходом на сцену, это считается воистину прекрасным вечером. Обычно она может сказать, что кто-то не так покрашен, кто-то поправился, а кто-

то ужасно выглядит в этом костюме... Это трудно передать, но артисту, который сейчас должен выступать, такие «комплименты» совсем не помогают.

Каждый раз, когда я выступаю в составе с Линдой, я балансирую и ищу ту грань, чтобы быть профессиональной, с одной стороны, но не слишком выделяться, с другой... Если в течение программы зритель смотрит не на нее, а на кого-то из ансамбля, это конец! Она тут же начинает обвинять всех в том, что мы ужасно танцуем и зритель, вместо того, чтобы любоваться лишь ею или общим планом, смотрел только на одну из нас! Факт, что одна из нас именно сегодня может быть в особом ударе, она отрицает напрочь! Поэтому мы должны стараться быть на высоте, чтобы потом не схлопотать от Линды за то, что поленились и не так хороши, чтобы на нас смотреть с бóльшим восхищением, чем на нее.

После выступления она сразу уходит, никогда не помогая нам складывать костюмы. Перед выходом обычно дополнительно бросает еще какую-нибудь гадость: мол, неплохо все получилось, но до нее нам, конечно, еще как до Луны автостопом...

Линда помогла мне оформить официальные документы. Если не работать у нее — надо возвращаться в Израиль, а я пока хочу быть здесь. Я потерплю еще чуть-чуть. Возможно, параллельно я начну искать что-то другое: может, новый коллектив, а может, какой-то интересный творческий проект...

10 июня 2010

За четыре года до рождения Элл

Удивительное дело — проект сам меня нашел. Одна из моих знакомых танцовщиц ставит интересное шоу — ожившие картины. Она нашла танцевальные иллюстрации XIX — XX веков и решила «оживить» их:

шила костюмы, как на них, отыскала похожие аксессуары, подобрала музыку, которая подходит под определенный стиль, и поставила танец!

Конечно, это не коммерческий проект. Но это что-то новое и интересное! И хоть немного развеет меня...

Кроме меня в концерте принимают участие еще пять танцовщиц. Я даже не знала, кто именно эти девушки, и очень удивилась, когда одна из них оказалось той самой Стеллой! Почему для меня это так удивительно? Потому что Стелла работает в ансамбле, который выступает по всему миру, а я еще в Израиле с восхищением смотрела в интернете их концерты.

Стелла типичная американка: высокая, со светлыми волосами и ровными зубами, с детства занимается танцами, но восточными увлеклась не так давно. Это такая категория танцовщиц, которые представляют полную противоположность мне — я влюбилась в Восток и в восточный танец, и уже через него стала изучать тело и движения. А Стелла всю жизнь занималась танцами и телом, про Восток узнала случайно и теперь все свои знания вкладывает в этот стиль. Интересно, что мы обе можем многому друг у друга научиться: я у Стеллы технике, она у меня — душе танца, так сказать.

Мне лестно и приятно влиться в этот проект, и я очень хочу танцевать с ними потому, что работа в ансамбле Линды становится слишком рутинной и механической. А мне не хватает творчества! Ну и что, что я не буду получать за это деньги? Сейчас это не главное. Сейчас главное — танцевать, зарабатывать себе имя, ведь это будет полезно для продления моей визы!

30 июня 2010

За четыре года до рождения Элл

Вот уже две недели помимо работы с Линдой я репетирую со Стеллой. Иногда репетиции накладываются одна на другую, и я очень нервничаю, если опаздываю. Линда и так меня недолюбливает.

Я решила, что поговорю с ней, объясню ситуацию, как есть, и скажу, что мой проект со Стеллой заканчивается всего лишь через шесть недель. Я попрошу у нее прощения за все опоздания. Я попрошу дать мне это время, чтобы я смогла участвовать в том проекте, потому что это важно для моих документов.

— Ах так? — вдруг заорала Линда, когда я стала ей все объяснять.

Именно заорала! Мы стоим в дверях студии, вокруг наш ансамбль и другие танцоры... Но Линда злится, и тон ее повышается:

— Ах ты, неблагодарная дрянь! Я подобрала тебя на улице! Я сделала из тебя человека! А ты, ты мне говоришь, что уходишь к другим?!

На нас смотрели уже все.

— Я никуда не уйду, — ответила я, — я тебе очень благодарна! За всё! Я просто говорю тебе, что хочу участвовать в концерте и прошу разрешения опаздывать всего на полчаса на репетицию по средам.

— Ну уж нет! Проваливай отсюда! Не хочу тебя больше видеть! Ты уволена!

Вот это поворот... Что же делать? Мне хочется плакать, но вокруг так много людей. Линда побагровела от гнева.

— Уходи, — тихо сказала мне Элизабет, — потом поговорим. Ты, конечно, очень наивная — Линда годами пытается устроиться работать в коллектив, где работает Стелла, а ты так спокойно рассказываешь ей, что будешь выступать со Стеллой...

Я ушла... Что теперь будет? Что будет с моей визой? Что будет с моей работой? Что я наделала? Ой...

28 июля 2010

За четыре года до рождения Эль

Я уже месяц не работаю с Линдой, но за это время она успела меня изрядно известить: она угрожает, что подаст на меня жалобу и меня депортируют из страны. Все вокруг говорят, что все будет хорошо, потому что это Линда нарушила договор и уволила меня, а не я. Но я все равно постоянно на нервах. Вчера в нашем доме был слышен топот башмаков из коридора. Это было в пять утра, и по звукам мне было понятно, что это не дружеский визит к кому-то. Я проснулась и резко села в кровати.

— Илан, а что, если это полиция, и они пришли забрать меня потому, что Линда пожаловалась? — испуганно прошептала я.

— Алис, ну какая полиция. Спи! — сонно ответил Илан.

— Я не хочу в тюрьму, я не пойду в тюрьму!..

Я довожу себя до истерики по любой мелочи. Вдруг меня посадят в каталажку или депортируют? Но вчера уровень тревоги и страха вырос в разы, когда утром у меня зазвонил телефон:

— Алиса? Говорит детектив Джеральд, — услышала я в трубке.

— С-с-слушаю, — сказала я и вся сжалась внутри.

— Я звоню узнать, зачем и почему вы украли деньги у Линды? — спокойно спросил он.

Я онемела. Что за бред он несет? Что за формулировка вопроса?

— Деньги? Вы о чем? Я ничего не крада! — начала оправдываться я.

— Ну как же. Вы украли у нее пять тысяч долларов, перевели на свой счет. Зачем вы это сделали?

— Я не краля никаких денег! — мой голос дрожит.

— Я все понимаю, ситуация тяжелая, она вас уволила. Вы решили ей отомстить и украли у нее деньги. Так ведь? — продолжал голос в телефоне.

— Да что вы такое говорите?! Я не брала никакие деньги! — все еще не верю своим ушам.

— Алиса, вы же понимаете, что чистосердечное признание поможет вам. Так и скажите: да, это я украли деньги, и наказание будет легкое, — не отступал наступать детектив.

— Но я не брала никакие деньги, — я уже плачу. — Я никогда ничего ни у кого не краля. Я не брала денег у Линды! Я клянусь!

— Ладно, — вдруг соглашается детектив, — если вспомните, зачем вы их украли, наберите меня, и я вам помогу, — и отключился.

Меня трясет. Я не краля никакие деньги! Что за бред он несет?! Я не хочу в тюрьму! Я не пойду в тюрьму.

В это время Илана не было дома, я позвонила ему и очень сбивчиво все рассказала.

— Алиса, — устало сказал Илан, — ну что за бред? Ну какие деньги? Какой детектив? Неужели ты думаешь, что настоящий детектив стал бы тебе так звонить и разговаривать с тобой в такой форме? Ну это, как минимум, незаконно.

Но меня уже невозможно было успокоить — уровень стресса зашкаливал.

30 июля 2010

За четыре года до рождения Эль

Акт четвертый. Бизнесвумен

Я не знаю, как это описать! Чем и как я это заслужила?! Я просто не могу в это поверить!

Когда Стелла вчера подвозила меня после репетиции, она вдруг сказала:

— Сейчас я начинаю очередной проект: беру под свое руководство студию. Она переходит мне от другого танцора, который не хочет больше этим заниматься. И я вдруг подумала, что не хочу сама... Я хочу работать с надежным трудолюбивым человеком, который полон энтузиазма и знаний.... И тут я вспомнила о тебе! Хочешь руководить студией вместе со мной?

Вот так просто! Такими простыми словами Стелла предложила мне руководить студией: разделить право собственности и доходы студии поровну! Что такого она во мне увидела, что за месяц нашего знакомства решила, что хочет взять меня на борт своего дела?! Стелла, танцовщица с мировым именем, эта красивая девушка, старше меня на шесть лет, коренная американка, вдруг хочет, чтобы я стала ее партнером по бизнесу!

— Вау, Стелла, я не знаю, что сказать! — наконец-то прошептала я.

— Ничего не говори, иди домой и подумай! У нас будет много работы, но она того стоит — это будет наша студия! Я хочу, чтобы мы работали вместе, — заявила мне Стелла.

Я вернулась домой в полном шоке. Вот это да! Это же мечта каждой танцовщицы! Это *моя мечта!* Собственная студия! Нет, извините, собственная студия в Лос-Анджелесе — вот это да!

3 августа 2011

За три года до рождения Элль

Через две недели мы устраиваем официальное открытие студии! Это наша студия!!! Стелла не обманула — работы было непочатый край. Незаметно прошел

первый год с того разговора, когда Стелла предложила мне руководить студией. И вот уже год мы проработали вместе... Студией десять лет руководил другой танцор, а последние года три она и вовсе простаивала и чахла — там не было никакого движения. В каждом углу, во всех шкафах, в кладовке накопилось огромное количество хлама, ведь предыдущий хозяин стал использовать студию как свалку. Тусклые фиолетовые стены нагоняли непреодолимую тоску. Сначала мы день и ночь убрали, разбирали вещи — что-то уносили на мусорку, что-то возвращали этому танцору домой, что-то оставляли себе... Мы разгребали там завалы постоянно! Параллельно начали вести уроки, но без особой рекламы...

Когда закончили уборку в студии, мы принялись за офис. Я разработала сайт, мы составили расписание, пригласили преподавателей и учеников, разместили рекламу везде, где смогли себе позволить с нашим бюджетом. А бюджет у нас — его просто нет, поэтому выкручиваемся, как можем: пишем статьи и отсылаем везде, где можно бесплатно рассказать о себе.

Через две недели мы устраиваем большой праздник — день открытых дверей и приглашаем всех в гости. А сейчас надо срочно покрасить стены: когда хлама становится меньше, а света больше, этот болезненный фиолетовый цвет никак не передает настроение нашей радости в студии.

Мы будем красить стены в оранжевый!

Последние полгода я еще была занята съемками фильма для проекта Илана, но теперь я могу больше времени посвящать только студии.

— Поможешь нам завтра покрасить стены? — интересуюсь я у Илана накануне. Он не обязан, конечно, мы только закончили снимать и работать над его

фильмом, и я просто зашиваюсь со своей студией. — Нам бы это очень помогло, — вкрадчиво добавляю я.

— Я планировал завтра ничего не делать, но ладно, если у тебя нет других вариантов, помогу чуть-чуть... — вяленько соглашается Илан.

Я его обожаю и хочу расцеловать! Завтра я ему все покажу! Он еще не видел саму студию, только слышал от меня — я все уши ему прожужжала...

Всю дорогу я не могу унять свой восторг:

— Представляешь, *моя студия!* У меня студия! Мне двадцать три года, я живу в Штатах около года, а у меня уже своя студия!

Я чуть ли не силой тащу Илана от машины, скачу вокруг него вприпрыжку и распеваю:

— Сейчас ты обалдеешь! — радостно уступаю Илану дорогу, чтобы он вошел в студию первым

— Эм... Что это? — спрашивает Илан.

— Как — что? — мой черед удивляться.

— Ну вот это все... Вот это уныние, это старое помещение — это и есть твоя студия?

— Ну... — запинаясь я, — мы же ее покрасим! В оранжевый! Будет красиво!

— Красиво не будет точно, — перебивает меня Илан, — и вообще, эти старые полы, на улице нет места для парковки, а тут зеркало в углу треснуло...

— Так мы со временем поменяем полы, парковки в Лос-Анджелесе нет нигде, а тут жилой район и на соседних улицах можно что-то найти, — уговариваю я Илана, — и вообще, мы только начинаем работать! Это ты не видел, что тут было! А что еще будет! — изображаю я радость.

— Я не верю, что тут будет что-то стоящее — здесь тускло и уныло, — заключает Илан.

Я оглядываюсь по сторонам: может, он прав — что это я затеяла? Может, тут и правда очень уныло?

Подъехала Стелла, и я стала знакомить их.

— Очень приятно, — говорит Стелла. — Алиса тебе уже все показала?

— Наверное, еще не всё, — отвечает Илан и вдруг добавляет на иврите, обращаясь ко мне: — От нее плохо пахнет.

Зачем я его позвала сюда?..

Вот уже два часа мы красим. Стелла позвала своего бойфренда Меира, и он красит стены вместе с нами. Илан помогает мало. В студии пахнет свежей краской, стены преобразаются прямо на глазах. Мы включаем громкую музыку и стараемся изо всех сил превратить этот день в веселый! Илан кое-как красит от силы минут десять, потом бросает и начинает комментировать:

— У вас в туалете труба протекает.

— Мы знаем, — говорит Стелла, — мы займемся этим завтра.

— А еще тут линолеум отходит.

— Мы заклеим его изоляцией пока, а потом разберемся, — легко парирует Стелла.

— И этот запах, — говорит Илан, — запах чего-то старого...

— Мы проветрим, — отвечает Стелла, — и тут станет совсем хорошо! А еще мы купим освежитель воздуха!

— А вы знаете, что это неблагополучный район? — Илан опять вставляет пять копеек.

— Это центральный LA, между Beverly Hills и западной частью Лос-Анджелеса, отличный район, — почти устало отбивается Стелла.

Мне стыдно. Мне обидно. А главное, я начинаю замечать все то, о чем бурчит Илан. Мои энтузиазм и мотивация начинают сползать, как штаны с растянутой резинкой.

Стелла очень проницательна и все замечает. Она спускается со стремянки, обращаясь ко мне:

— Алиса, можно тебя на минутку? Давай вынесем мусор.

Мы идем из студии в сторону мусорных баков. Там Стелла произносит:

— Алис, так нельзя. Илан переходит нормальные границы! Это не тот человек, которого я бы хотела видеть возле нашего бизнеса. В нем много негатива и хамства... Он делает все, чтобы нас разочаровать, мы только оправдываемся перед ним. Знаешь, кого он напоминает мне по своей энергетике? — спрашивает Стелла.

— Кого?

— Линду! Такой же ядовитый, — подчеркивает Стелла.

Я прошу дать ему шанс:

— Ну что ты, Стелла! Ты просто его не знаешь: он искренне хочет помочь, просто не умеет выражать свои мысли и желания. Но он же тут! Прости его! Ты откроешь в нем другие черты. Пожалуйста, дай ему шанс!

— Я дам ему шанс, но только из огромного уважения к тебе. Таких людей я обычно выставляю из своей жизни пинком под зад. Но, может, я и правда чего-то о нем не знаю...

15 августа 2011

За три года до рождения Эль

Ну вот мы официально открываем студию и начинаем учебный год! И я хотела бы написать: как здорово прошел день открытия, как много друзей пришло нас поддержать, как здорово мы со Стеллой все придумали!

Вообще, вечеринка такого формата — это моя фишка, подобные вечеринки я уже проводила в Израиле

не раз. Я рада, что получился такой душевный праздник: были танцы, короткие демо-уроки. Мы разыгрывали призы, раздавали бонусные бесплатные уроки, раздаривали скидки....

Но я не могу обо всем этом так написать потому, что на открытие пришла Линда! Она была вместе со своими танцовщицами (я не знаю этих девочек, это был ее новый состав). И громко, на глазах у всех, заявила мне:

— Так-так! Студию открыла, говоришь, не на мои ли деньги?

— О чем ты, Линда? — оторопела я.

— Я из-за тебя не могу выплатить зарплату своим танцовщицам! — закричала она.

— Ну почему ты думаешь, что это я?! — я изо всех сил пыталась сохранять спокойствие.

— Потому что и-мейл, который получил мой банк с просьбой перевести деньги на чужой счет, был подписан твоим именем! — отрезала Линда.

— Линда, неужели ты думаешь, что если бы я действительно воровала твои деньги, то стала бы подписываться собственным именем? — недоумевала я.

— А кто вас знает, криминалов таких! — сказала она на полном серьезе.

— Кого — нас? — не поняла я.

— Тебя и Илана! Это вы украли мои деньги!

— Линда, ты не в себе, — вмешалась Стелла, — и ты несешь полный бред. Я настаиваю, чтобы ты ушла.

— Как ты можешь с ней работать? Она и тебя обворует! — свирепствовала Линда.

— Я полагаю, что разбираюсь в людях, и сама решу, а в данный момент похоже, что ты сошла с ума. Тебе здесь не место!

На меня словно вылили ведро помоев: и если бы Стелла не заступилась за меня, я бы просто разрыда-

лась при всех. А так, я — молодец, убежала за здание и уже там разревелась.

— Ты чего? — догнала меня Стелла и обняла. — Ты же понимаешь, что все вокруг знают, что Линда ненормальная. Ты ведь тоже знаешь это, да?

— Знаю, — сказала я. — Но еще я знаю такой анекдот, когда одни люди отказываются приглашать кого-то в гости, потому что говорят: мы не помним, то ли у него украли, то ли он украл, а осадок остался, понимаешь?

— Понимаю, — соглашается Стелла, — но пройдет время, и люди узнают тебя ближе. И они поймут, что этот концерт, что устроила тут Линда, еще раз доказывает, что она ненормальная! Я ни секунды в тебе не сомневалась ни раньше, ни сейчас.

Если бы только Антуанетта знала, сколько еще в мире есть завистливых и злых людей! Откуда она такая наивная, что искренне ждет, когда все вокруг будут радоваться ее успеху?!

4 января 2012

За два года до рождения Элль

Прошло уже полгода от открытия нашей студии — сколько всего мы успели сделать за это время! Это были очень удачные и плодотворные месяцы. Мы проводили много серьезных мероприятий: от шумных вечеринок и концертов с громкими именами в мире танцев живота до релиза музыкального альбома известного музыканта.

Благодаря знакомствам Стеллы у нас преподают лучшие учителя нашей сферы. Мы точно знаем, что предоставляем прекрасное качественное обучение. Очень приятно осознавать, что ты не просто делаешь свое дело, а делаешь его лучше, чем мог себе представить.

Если честно, зарплата у нас мизерная. Мы работаем не покладая рук, точнее ног, чтобы оплатить аренду, коммунальные услуги, зарплаты преподавателям... Когда мы в конце делим выручку пополам, там остаются уже смешные деньги. Но мы не унываем — нам нравится наше дело!

Я многому учусь. Постоянно. Все вокруг меня словно университет! Мне двадцать три года, и я управляю своим бизнесом в Лос-Анджелесе. Я учусь всему: общаться с людьми, обеспечивать жизнедеятельность нашего помещения, управлять отношениями с клиентами, артистами, учителями... Я руковожу танцевальной компанией, выписываю зарплаты, помогаю артистам, которые только приехали в Лос-Анджелес и не знают, что делать. Я постоянно беру для себя уроки у разных артистов потому, что мне это доступно, поэтому и сама расту как профессионал. Я сама занимаюсь рекламой студии, продвижением сайта и пиар-кампаниями. Я сама веду бухгалтерию. Скоро буду сама сдавать отчеты в налоговую! И только на прошлой неделе мы взяли уборщицу потому, что еще и полы самой мыть по ночам в студии — уже перебор.

7 января 2012

За два года до рождения Эль

Стелла переживает личный кризис и драму — у нее проблемы с бойфрендом. В другом штате заболела ее мама, с которой Стелла не в самых лучших отношениях. Атмосфера накаленная — мы много работаем, мало отдыхаем, а когда удастся расслабиться, мы говорим о проблемах Стеллы — с некоторых пор она все чаще стала появляться у нас дома.

Илан закончил учебу в школе кино и теперь ищет работу. Он и слушать не готов о вариантах, не связанных с кино, даже временно. Где-то меня это восхища-

ет — он настолько уверен в себе, что не допускает и мысли о провале, твердо знает, что будет работать только в этой индустрии.

Я целыми днями пропадаю на работе, и меня мучает чувство вины, что он там дома один. У меня есть работа, какая-то зарплата, в конце концов, у меня есть друзья. У него нет ничего, и я переживаю за него.

Я возвращаюсь по вечерам домой и слышу, как он подкалывает меня:

— Ну что, позади еще один рабочий день с мизерной зарплатой?

Сегодня я возвращаюсь домой со Стеллой — она ночует у нас — у нее проблемы с бойфрендом. Илан недоволен.

— Она меня раздражает, — говорит он мне на иврите, — пускай спит на улице.

— Илан, она не может спать на улице. Ей некуда идти сейчас. Извини, что так получилось, но сегодня она переночует здесь.

Я знаю, что он возражает. Я и сама не люблю, когда посторонние ночуют в моем доме. Но в данном случае я не могу оставить ее на улице одну.

18 января 2012

За два года до рождения Элли

У нас намечается грандиозный концерт в феврале. Нам со Стеллой нужно подготовиться не только творчески, но и организационно: надо поставить все номера, провести огромное количество репетиций, перебрать костюмы... Костюмы — это очень важный элемент потому, что концерт фольклорный и там важны все детали. У каждого региона разная длинна рукава, узор, вышивка... Меня уже тошнит от этих костюмов!

Мы со Стеллой работаем в студии, потом ломаем голову над костюмами, а потом едем ко мне домой и дорабатываем детали, составляем план на завтра.

Сегодня мы вернулись домой, где Илан ждал нас с горячим ужином.

— Ух ты, дорогой, спасибо! — обрадовалась я.

— Да не за что! Я же знал, что придет Стелла, — как-то странно ответил он.

Хм... Мне было бы приятнее, если бы он сказал: «Я же знаю, что придешь ты!» — но я, наверное, просто придираюсь к словам. Он заботится обо мне, и это главное.

На днях он открыл бутылку хорошего виски, потому что «наконец-то в доме появился кто-то, с кем можно иногда выпить!». Я же не пью.

Появление Стеллы в нашем доме доставляет ему радость. Он стал готовить по вечерам и терпеливо ожидать нашего прихода. Ну, так даже лучше: лучше, чтобы они подружились, чем чтобы он не хотел ее тут видеть.

9 февраля 2012

За два года до рождения Элль

Сегодня мы пригласили Илана к нам на проект: нам нужна видеосъемка концерта, и мы решили поручить всю работу Илану — теперь он выбирает оборудование, съемочную команду... Он на равных участвует в наших разговорах, записывает в своем блокноте, какие танцы когда на сцене, а какие за кулисами... Теперь мы работаем втроем.

Я радуюсь, потому что Илан при деле и даже при зарплате. Особенно горжусь тем, что помогла ему в этом я.

6 февраля 2012

За два года до рождения Эльль

Акт пятый. Смена мест

Мы поехали уточнять последние нюансы аренды концертного зала. У Стеллы сломалась машина, и Илан вызвался отвезти нас. Кроме того, сам он тоже хотел посмотреть зал, чтобы понимать, как его лучше снимать.

— Пусть Стелла сядет впереди, а ты садись сзади — мне нужно кое-что обсудить с ней, — как будто приказал мне Илан.

Я пересела, но обиделась. Конечно, Стелла в этом проекте главнее — у нее больше опыта, и я многому учусь у нее. Но мне очень не нравится, как Илан отодвинул меня назад. Я села в машину и почувствовала себя ребенком. Глупо, наверное. Какая разница, кто где сидит?

4 марта 2012

За два года до рождения Эльль

В конце февраля состоялся наш концерт! Это было полуторачасовое шоу — 12 фольклорных номеров, 24 танцора. И горы, горы, горы костюмов! Помимо администраторской работы я участвовала в шести номерах. Очень здорово, но утомительно.

Жизнь Стеллы стала постепенно налаживаться: она сняла комнату и к нам теперь заходит реже, а Илан — наоборот, стал чаще просить позвать ее к нам:

— Ну, хоть кто-то может покурить со мной кальян! Пригласи Стеллу, пожалуйста, — просил он.

Вчера прямо перед сном, прямо в нашей кровати, он снова заговорил о Стелле. Я уже устала от его повышенного внимания к ней и пошутила:

— Уж не влюбился ли ты в нее случайно? — сказала я иронично. И даже представить себе не могла, что услышу в ответ:

— Не знаю, может, и влюбился.

Мы легли спать и уже выключили свет — я так и села в кровати.

— Что ты имеешь в виду?!

— Меня тянет к ней... И я думаю, что, может, даже влюбился.

Я опешила его откровенности, таким спокойным тоном он это сказал.

— Ты в своем уме, Илан?! Что ты несешь?

— Ну, ты же сама спросила, — удивился он.

— Но я не ожидала услышать такой ответ! Ты просто козел!

Илан молчал.

— Господи, даже если ты уберешь в сторону меня и мои чувства, ты понимаешь, что Стелла никогда не ответит тебе взаимностью?! Просто из уважения ко мне!

Илан дальше молчал.

Я ушла спать в гостиную.

Он вообще нормальный?! Стелла — моя подруга, мой деловой партнер! Что он себе придумал? Что за идиотизм?

10 марта 2012

За два года до рождения Эль

Я часто думаю, может, это я сама виновата? Ведь это именно я привела Стеллу к нам домой. Моя бабушка отругала бы меня. Сказала бы, что нечего водить посторонних женщин домой к мужу. Может, она права?

Жаль, что я ни с кем не могу поговорить на эту тему: мне стыдно такое рассказать даже маме. Раньше я могла все рассказать Стелле и выслушать ее мнение, но здесь я не могу ей довериться. Да и как я ей скажу:

«Стелл, мой муж думает, что влюбился в тебя. Как думаешь, что мне делать?» Абсурд какой-то.

А что, если это только я так думаю, а она ответит ему взаимностью? А что, если это взаимно? И они станут жить вместе, работать в студии? А что будет со мной?!

Как дурно мне от этих мыслей, просто ужасно.

4 апреля 2012

За два года до рождения Элль

Акт шестой. Разбитое сердце номер раз

Первое апреля, воскресенье. Меня не было дома весь день: я уже несколько дней помогаю своей подруге Неване организовать ее baby shower. Это когда родственницы или подруги устраивают для будущей мамы праздник: ее задаривают подарками — от памперсов и кремов до игрушек и одежды для малыша. Словно «ливень» из подарков. Отсюда и название такое — baby shower. Невана родом из Сербии, мы познакомились с ней, еще когда обе танцевали с Линдой. За последние полгода мы очень сблизились. А сейчас Невана беременна.

— Алиса, помоги организовать мой baby shower, но так, чтобы в нем было меньше американской чепухи, а больше настоящего веселья, как ты умеешь! — попросила меня Невана.

Я никогда в жизни не организовывала такую вечеринку! Я вообще никогда сама не была на таком празднике! С чего Невана решила, что я смогу ей помочь? Я не знаю.

— Ты настоящая, Алиса, и ты не full of shit¹, как большинство жителей Лос-Анджелеса. Я бы хотела сделать мой личный праздник в таком стиле, как ты делаешь праздники в своей студии!

Я не могла отказать ей. Я взяла помощницу организовывать всё: от украшения зала до игр и конкурсов.

Обычно это праздник для женщин, но Невана решила изменить традициям и сделать первую половину праздника для подружек, а на обед пригласить и наших мужей.

Она была на восьмом месяце беременности и излучала счастье. На ней было синее платье и веночек из цветов, который я ей специально подарила. У нас есть фотография, на которой Невана в этом венке улыбается, и я в полосатом платье обнимаю ее за живот.

К обеду приехал Илан и вел себя очень странно: как-то отстраненно, несколько раз уходил в машину.

— У тебя всё в порядке? — спрашивала я каждый раз, пытаясь заглянуть в его глаза. Обнимала. Поддерживала. Утешала (я думала, у него проблемы с работой). Подбадривала... Он отмахивался от меня. Сидел на празднике, потом вдруг вскакивал и уходил посидеть в машине. Снова возвращался и ходил чернее тучи. «Классика жанра, — подумала я. — Почему все всегда вертится вокруг него и его настроения, даже когда это не его праздник?»

Ночью он внезапно заплакал, а потом сказал:

— Никто не сможет любить меня так, как ты, и никто не будет лучше, чем ты.

— Что произошло, дорогой? Ты меня пугаешь, — я не понимала, что происходит.

— Всё в порядке, — ответил он, и мы уснули.

Следующие два дня тоже были странными. Я опять стала приставать к нему с разговорами, предлагать помощь, говорить, что я рядом, и он должен мне сказать, что случилось. Я ему помогу, я его поддержу — ведь я его люблю.

¹ Полна дерьма (англ.).

Неожиданно он сказал что-то в стиле:

— Мне кажется, мы больше не можем быть вместе...

6 апреля 2012

За два года до рождения Элл

Я вышла на улицу и пошла в парк, чтобы немного походить босиком. Это даже не парк, а поляна прямо в Голливуде, которая всегда напоминает мне, как много необычного, неизведанного, удивительного и даже противоречивого можно встретить в жизни вообще, а в Голливуде в частности. И хоть трава здесь посажена человеком, а на самой поляне много ограничений (в футбол не играть, собак держать на поводке, машины парковать так-то) — все равно приятно, что можно немного сбежать из города и очутиться на поляне.

Я вдруг разрыдалась. Я не понимала, почему все рушится. Я радовалась, что у меня стал развиваться бизнес, и теперь винила себя за то, что не заметила трещину в своих отношениях. Я терзала себя, почему Илан так поступает: неужели он правда меня не любит. Потом позвонила Стелла.

Мы должны были репетировать в этот вечер, но я не могла никуда идти. Я просто сидела на траве и плакала.

— Что-то случилось? — спросила она.

— У нас с Иланом проблемы. Я разбита и хочу к маме. Я вообще очень устала, — сказала я.

— Пошли ты его куда подальше, он не достоин тебя, — ответила Стелла.

— Почему ты так говоришь? Ты же ничего не знаешь о нас...

— Да потому, что с первой минуты нашего с ним знакомства я поняла, что он за человек, и все время давала ему шанс, ради тебя. А он недостойный чело-

век. С гнилым ядром. Таких надо гнать из своей жизни, — зло сказала Стелла.

Я так обиделась на ее слова! Ведь это она во всем виновата!!!

— Это вообще все из-за тебя!!! — задохнулась я.

— Он плохой человек, — повторила она.

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?! Это из-за тебя! Он думает, что влюблен в тебя! — уже кричала я.

— Я знаю.

Настал мой черед удивляться:

— Ты знаешь?! Откуда?!!

— Он был у меня в воскресенье, первого апреля, и сказал, что испытывает ко мне чувства, что влюблен в меня. Сначала я подумала, что это неудачная первоапрельская шутка, но это было ужасно, — призналась она.

Я не могла поверить своим ушам.

— Алиса?

Я отключилась от разговора. Стелла набрала мой номер телефона в тот вечер пятьдесят первый раз.

Я позвонила Илану и, задыхаясь в своих слезах, сказала:

— Как ты мог?.. Как ты мог такое сделать? Она мой деловой партнер. Эта студия — это всё, что у меня есть.

Я бросила трубку, чтобы не дать ему ничего ответить. Потом я узнала, что Стелла также звонила ему, кричала на него, просила разыскать меня.

Прошел, наверное, час, а может, и больше. Я сидела на поляне почти неподвижно и только плакала. Вдруг кто-то дотронулся до моего плеча... Это был Илан.

— Как ты меня нашел? — спросила я.

— Просто пошел по местам, где ты любишь бывать... Это было первое место, куда я пошел.

— Уходи, пожалуйста, — тихо попросила я.

Он тоже плакал. Был напуган, растерян. Стал просить прощения, встал на колени. Говорил, что любит только меня, что все было ошибкой, туманом. Я смотрела на него и никак не реагировала. Он заглядывал мне в глаза, хватал мои руки и клал себе на голову, умолял его простить.

— Я просто представил, что потеряю тебя сейчас, и мне показалось, что мир рухнул. Не бросай меня. Я очень тебя люблю, — сказал он.

— Это был мой бизнес. Моя мечта. Моя танцевальная студия... А ты пошел туда и разрушил...

— Пойдем домой, пожалуйста.

Я была так измотана. Неумолимо надвигался вечер, и я понимала, что ночевать в парке на поляне я тоже не буду. Я пошла домой.

18 апреля 2012

За два года до рождения Ээль

Мне паршиво от всего этого: от Илана, от Стеллы, от этой студии. Я ничего не хочу, я хочу домой к маме. Я не знаю, как со всем справиться.

Кому мне рассказать про эту подлость? Я никому не могу об этом рассказать. Это унижительно. Всё в этой истории унижительно. Всё!

Я сама придумала себе студию, эту профессию, которая отнимала у меня все время. Я сама привела Стеллу к себе домой. Я наблюдала за всем и ничего не сделала!

Каждый день я думаю о том, что произошло. Почему Илан так поступил? Неужели он действительно в нее влюбился? А вдруг он до сих пор испытывает к ней чувства, а рядом со мной притворяется? Смо-

гу ли я работать там дальше? Как смотреть на Стеллу? Может, она соучастница?

Что, если между ними даже было что-то, а я просто не видела или не хотела видеть, и теперь они так странно себя ведут, потому что пытаются скрыть правду от меня?

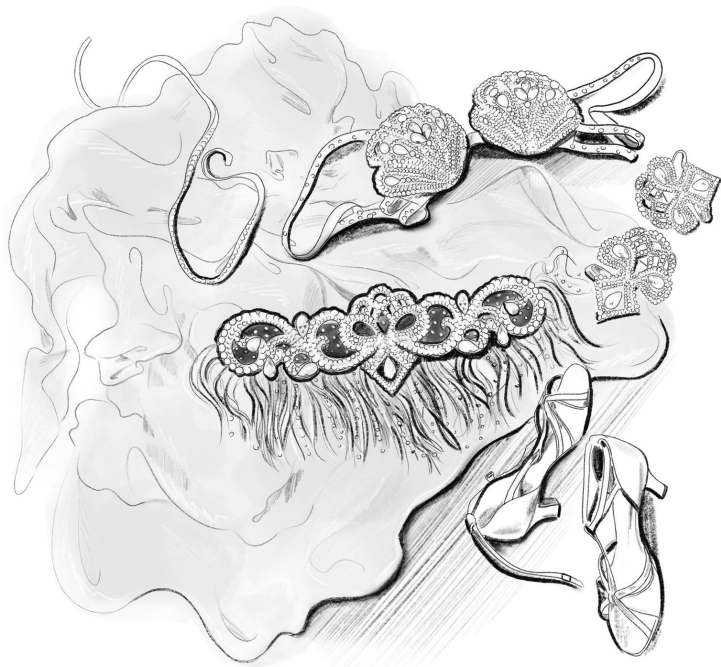
Я не хочу работать в этой студии. Я не хочу жить с Иланом.

Но я продолжаю ездить на работу и продолжаю жить и спать с Иланом.

Что же мне делать? Перечеркнуть все время, что я посвятила студии? Но это моя работа. Я работала день и ночь для этого бизнеса! Бросить ее ради чего? Из-за чего? Измены же как таковой не было...

Развестись с Иланом? Но как же тогда наши документы? Как же Америка? Как же Лос-Анджелес? Я финансово не справлюсь одна. Мне нужна поддержка. Студия только начинает расти, может, в будущем я смогу, я сумею... Но пока я должна потерпеть.

Только не было еще ни дня, чтобы я не вспомнила тот вечер на поляне.

14 июня 2012

За два года до рождения Эль

Илан уехал на съемки в Москву. Стелла попросилась пожить у меня, пока Илан в отъезде, потому что ей сейчас снова негде жить. Я согласилась, хотя мне очень некомфортно. Я поняла, как сильно я люблю быть дома одна. Только спать одна ночью боюсь. Когда-то моя учительница танцев Мири сказала мне, что страх спать одной был дан мне как помощь: без него я бы вообще перестала нуждаться в людях. Сейчас я стала понимать это... Мне очень хорошо и спокойно одной. Я люблю быть одна.

В последнее время я стала меньше улыбаться. На выходных произошел эпизод, который застал меня врасплох и даже огорчил. Мы собирались с Иланом на свадьбу к нашим друзьям. Я одевалась и, как бывает часто в последнее время, злилась на какие-то мелочи.

— Как я выгляжу? — спрашиваю у Илана.

— Злой. Ты выглядишь злой. Когда улыбнешься, станешь самой красивой! — сказал он.

Неужели это правда? Неужели я часто выгляжу злой?

19 июня 2012

За два года до рождения Эль

Вчера мне снилось, что у меня нет лица. Как будто что-то случилось, возможно, авария, после которой мое лицо исчезло. Но и зеркал нет, я нигде не вижу свое отражение. Мама во сне говорит мне:

— Скоро у тебя вырастет новое лицо. Нужно набраться терпения и подождать чуть-чуть.

Я увидела первый слой своей новой кожи. Даже побоялась выходить на солнце, так как этот первый слой очень чувствительный и мне надо его беречь...

27 июня 2012

За два года до рождения Эль

Вчера рассказала Стелле, что, возможно, мы с Иланом уедем жить в Москву на какое-то время. Есть небольшая вероятность, что Илан получит проект на съемку на пять-шесть месяцев. И тогда мы вместе полетим в Москву.

Я говорила, что мы семья и должны быть вместе... А Стелла была в бешенстве:

— Алиса, но это же неправильно! На первом месте у себя должна быть ты сама! Твои планы и мечты, твоя работа и карьера! Твоя студия. Наша студия! А не твой

муж, который и так не самый хороший человек, — сказала она.

И еще она сказала, что ей меня жаль. Это возмутило меня еще больше! Я не хочу, чтобы меня жалели, тем более, за мой выбор.

Илан очень счастлив в Москве — говорит, что чувствует себя как в отпуске. И это еще больше укрепило мою веру в то, что я тоже должна ехать с ним в Москву — мне необходимо разделить это счастье с ним! Я хотела, чтобы свои счастливые моменты он проживал именно со мной. Получается, что дома — ссоры и ругань, как было всю весну, а вне дома, без меня — ему хорошо и счастливо.

Ах, если бы Илан не испортил все вокруг своими нелепыми чувствами к Стелле... Мне противно вспоминать, что он натворил. Противно писать об этом... Как будто он вылил ведро черной краски на белый и чистый пол, а я изо дня в день тру пятно, но пол не становится белее...

Так, лучше спрятать эти мысли куда подальше. Не думать об этом, не писать. Всё хорошо.

5 июля 2012

За два года до рождения Эльль

У нас со Стеллой очень натянутые отношения. Мне кажется, это с тех пор, как она переехала ко мне пожить. А может, с тех пор, как я рассказала ей, что, возможно, уеду в Москву на несколько месяцев? А может, с апреля?.. Мы с ней перестали быть друзьями и остались лишь партнерами по бизнесу. В те редкие моменты, когда нам удавалось опять сблизиться, Стелла начинала опять говорить гадости про Илана.

Я чувствую, что и нам бы не помешало расстаться на некоторое время. Так странно писать и даже думать об этом...

Мы с ней были так дружны последний год — она была мне как сестра. Я думала, что мы с ней никогда не поссоримся, ведь у нас не было никаких поводов для конфликтов... Но что-то пошло не так.

У меня нет вдохновения. Студия, преподавание и выступления — стали рутинной, просто работой, которую надо выполнять. Я делаю все механически.

Илан предлагает бросить студию и заняться с ним кино. Говорит, что я могу быть продюсером! Или его ассистенткой. Он многому может меня научить, и как команда мы будем весело отлично работать. И зарабатывать! Я стала чаще об этом задумываться — танцы и студия вызывали во мне какое-то странное тяжелое чувство... Может, и правда пора бросить все и посвятить себя новому делу? Рядом с Иланом делать карьеру мне было бы легче.

25 июля 2012

За два года до рождения Ээль

Илан вернулся из Москвы.

Что бы написать, чтобы не расстраивать себя?

Все хорошо — он привез мне подарки. Всё как я люблю... Подписал открытки. Сказал, что любит меня очень, но устал и уходит спать.

И так каждый день. Мне кажется, он меня не любит. Вернее, он любит меня как друга и как человека, который рядом с ним, но он не любит меня как женщину.

Что будет, если мы расстанемся? В какой стране я буду жить? Что будет с моими документами? А что будет с моей студией? Смогу ли я потянуть такой образ жизни — посвящать всю себя студии и танцам, если мне надо будет самой зарабатывать на квартиру и проживание? Вряд ли. Я не уверена, что справлюсь,

если останусь одна в ЛА. Мне придется менять профессию, а может, даже возвращаться в Израиль.

Хочу, чтобы у нас с Иланом все было хорошо и чтобы он снова любил меня!

Нет, вру. Я хочу, чтобы у меня все было хорошо. Чтобы я была независимой и самодостаточной, чтобы мне не нужен был ни Илан, ни Стелла. Чтобы я сама решала, где я буду жить и с кем я буду работать. Я хочу сама выбирать!

9 января 2013

За год до рождения Эльз

Я хочу написать тебе письмо. Но как только эта мысль возникает в моей голове, я сразу вижу твое лицо — ты смеешься надо мной. Ты даже не хочешь слушать, и я снова выгляжу душой...

В этом письме я не буду тебя обвинять. Я давно выучила этот урок — мы в ответе за то, что происходит с нами. Мы сами добиваемся от людей такого отношения, которого заслуживаем. И мне больно думать, что я сама во всем виновата, но это так. Наверное, пришло время все написать.

Тебе, но для себя.

Чтобы изменить это, а главное — изменить себя. И если ты протянешь руку и поможешь мне, я буду любить тебя еще больше.

Я, правда, очень изменилась и больше себе не нравлюсь. Когда мы встретились, я была счастливым и жизнерадостным человеком. Да, у меня мало что было. У меня не было денег, хорошей зарплаты, не было бизнеса или машины. У меня не было статуса. Но у меня была я, у меня было мое вдохновение!

Я знала, что все смогу, что всего добьюсь. Я верила, что я уникальная и интересная. Была уверена, что я хорошо танцую (хотя сегодня моя техника лучше).

Я думала, что я красивая (хотя я даже не умела краситься)! Понимаешь? У меня как бы ничего не было, но вместе с тем было все, потому что я была счастлива и полна энтузиазма.

Что изменилось? У меня многое появилось, но совсем не осталось меня. Мы говорили с тобой об этом, ты думаешь, что это взросление. А я думаю, что это не только взросление...

Я думаю, что я сбилась с пути. Ты во многом мне помог, подтолкнул меня ко многому, многому меня научил и много мне дал. Но вместе с этим многое у меня забрал. Забрал меня настоящую.

Я перестала слушать музыку, которую люблю. Потому что тебе это мешает... Заметил?

Я перестала читать перед сном книги, потому что тебе это не нравится, и ты предпочитаешь, чтобы мы вместе смотрели телевизор.

Я перестала есть еду, которую люблю, потому что ты говоришь, что она не вкусная. Смотреть передачи, которые я люблю потому, что тебе это не интересно.

Понимаешь? Я перестала делать то, что делало меня мной! Меня такую, которую ты когда-то полюбил и захотел увезти на край света. Может, ты поэтому меня меньше любишь теперь? Потому, что сделал меня другой?..

Знаешь, я даже перестала думать, что я красивая. Я забыла, что когда-то нравилась тебе или окружающим. Ты часто говоришь мне, что я плохо выгляжу — это делает мне больно. И я начинаю верить, что я некрасивая. И уже не могу нравиться себе. А когда на улице незнакомые люди говорят, что я красавица — я теряюсь. И еще больше осознаю, как у нас все плохо потому, что никогда не слышу от тебя этого...

Ты сразу начнешь говорить, почему же я с тобой не расстаюсь? Почему не бросаю тебя? Я тебе скажу

почему. Потому что я верю, где-то в глубине души, ты еще способен любить меня, ведь иногда ты бываешь очень нежным... Ведь когда-то ты заставил меня поверить тебе и в тебя и улететь с тобой на край света. Когда-то ты говорил, что я произведение искусства, и ты можешь часами любоваться мной! Когда-то ты действительно подарил мне крылья!

Я не знаю, что я еще могу сказать, что добавить, как достучаться до тебя. Как дать тебе понять, что это важно. Что я должна снова найти себя. Без этого ничего не получится.

Я не могу тебе указывать, что тебе делать, а что нет. Ты сам все знаешь и понимаешь... Ты знаешь, что нужно говорить женщине, а что ее унижает. Ты также знаешь меня — уже выучил, что может доставить мне радость, а что очень расстроит.

Если ты сможешь мне, дашь мне немного любви и поддержки, прислушаешься ко мне, станешь думать обо мне и хотя бы постарайся не делать мне больно — я тоже стану другой. Я буду для тебя еще лучше!

Но если тебе снова смешно, и ты ничего не станешь менять в себе, мне больше нечего добавить. Потому что тогда я буду искать себя сама. И я найду себя. Но, может, будет поздно, потому что мы не сможем сохранить нас. А между нами все-таки еще есть много волшебного, ласкового и счастливого.

Я люблю тебя! Давай в этом году станем лучше?

28 марта 2013

За год до рождения Эль

Акт седьмой. Пластырь на открытой ране

Каждый день я думаю, что все будет хорошо. Скоро. Совсем скоро. Скоро наши отношения с Иланом станут, как прежде. Скоро моя дружба со Стеллой воз-

родится. Скоро я буду снова радоваться танцам и нашей студии. Прошел год, год!!! Целых двенадцать месяцев с тех пор, как Илан явился к Стелле со своими чувствами.

И весь этот год моя жизнь идет словно отдельно от меня, а я только наблюдаю за всем со стороны.

Весь год Стелла говорит одно и то же — и меня уже тошнит ее слушать:

— Он сделал это специально! Как ты этого не понимаешь?! Он специально разрушил твой бизнес и твою дружбу, чтобы укоротить поводок, на котором ты у него. Чтобы у тебя ничего не было, кроме него.

И целый год я с ней спорю. Вернее, сначала я ей не верила. Потом я с ней спорила. Потом обижалась. Потом возражала и приводила аргументы. Сейчас я просто слушаю. Она отчитывает меня, словно маленького ребенка.

Дома я все выливаю на Илана. И тогда кипит Илан:

— Я не могу поверить своим ушам, что мы все еще об этом говорим с тобой! Это было уже очень давно! Я сто раз извинился и сто раз сказал тебе, что запутался тогда. У меня не было друзей и работы. Я влюбился не в Стеллу, а ту иллюзию, которую себе создал сам. Тот мираж, что она принесла к нам домой — ощущение дружбы, работы, общения... Я хочу с ней поговорить и запретить ей тебя накручивать. А еще лучше, хочу попросить тебя прекратить с ней общаться.

— Я не могу прекратить с ней общаться — у нас общий бизнес, — возражаю я Илану.

— Ой, не смей меня. Твой бизнес только забирает у тебя время, а сейчас еще и хорошее настроение. И не приносит тебе никакого дохода.

Это правда — я не могу это оспорить.

Я постоянно ожидаю подвоха от Илана. Я все время думаю, а не врет ли он мне сейчас?

Иногда мне кажется, что у нас с Иланом уже ничего не получится, ничего не склеится. Мы часто ругаемся. Он много снимает, часто уезжает, а когда возвращается домой, я подозреваю его. Не в изменах. В другом — вдруг он и правда что-то планирует против меня?

Иногда я хочу встать и уйти. Собрать все свои вещи и уйти! Но не знаю куда. Вот куда я пойду? У меня в Лос-Анджелесе никого нет. Конечно, у меня есть друзья, но это не те друзья, к которым я могу прийти жить!

Моей зарплаты, возможно, и хватит, чтобы снять комнату вместе с кем-то, но я боюсь жить с кем-то малознакомым.

Я одна в этой стране. Иногда мне кажется, что если бы мы с Иланом жили в Израиле, я бы уже давно ушла. Мы бы рассталась, и я вернулась к маме на время, а потом стала бы жить отдельно. Ощущение, что мне некуда идти, сейчас сдавливает грудь — неужели я в тюрьме? И тогда я начинаю уговаривать себя, что все еще можно исправить.

Ведь мы такие молодые! Мне кажется, Илан может измениться. Я верю, что если буду показывать ему своим поведением то отношение, о каком мечтаю я, он увидит его и тоже станет таким. Я стараюсь, чтобы у нас все было спокойно и гладко, без скандалов и упреков, я стараюсь его слушать и уважать как личность. И я думаю, что если я буду продолжать в том же духе, то и он исправится, будет действовать так же! Ведь люди же меняются иногда!..

Иногда мне становится ужасно тошно... Мне кажется, если я уйду, он даже не заметит этого между

своими съемками и показами. То есть, возможно, он обратит внимание, что дома стало больше места, а некоторые полки даже опустели... Но он не будет тосковать за мной. Он только пожмет плечами и продолжит свою жизнь, как ни в чем не бывало. Просто перешагнет и будет жить дальше. И тогда я разочаруюсь во всем — в нем, в наших отношениях, в любви... Я даже не хочу проверять эту версию, чтоб не делать себе больно.

Стелла говорит, что я могу пожить в нашей студии, если надо. Но как только я представлю это, мне сразу хочется плакать — как я перееду из нашей, такой уютной, комфортной и красивой квартиры, где мы только-только закончили ремонт и все вокруг такое новое и блестящее, прямо из коробочки? Вот как я перееду отсюда в ту подсобку в студии, где мало света, сыро и грязно? Зачем мне тогда вообще нужен этот Лос-Анджелес, если я буду жить как бомж? Я уже столько всего натерпелась с этими переездами в детстве, эмиграциями, и снова все начинать сначала?

Так много людей стремятся сюда попасть... У меня не было мечты и цели уехать из Израиля и жить в LA. Я просто влюбилась и умчалась следом за Иланом, потому что хотела быть с ним и была готова к приключениям.

Некоторые мои местные друзья еле-еле сводят концы с концами, живут в машинах (спят на задних сиденьях), изо дня в день ходят на прослушивания или носят со своими сценариями в надежде продать их. Каждый день я вижу, как опускаются их плечи и надежда гаснет в их глазах.

Голливуд — он такой, сложный и неприступный. Порой я думаю, что город ангелов видел больше разбитых сердец и разрушенных мечт, чем любой другой

город на свете. Сюда приезжают отовсюду, и каждый старается изо всех сил. Все хотят стать частью этой мечты... Но многие уезжают обратно с разбитыми в прах мечтами и не реализованными планами. А некоторые даже кончают жизнь самоубийством...

Раньше актеры-неудачники бросались с надписи Hollywood на холмах прямо на камни, но теперь у них отобрали эффектную возможность ухода. Теперь знак патрулируют вертолеты, и весь он обставлен камерами наблюдения. Любое приближение — сразу приезжает полиция. Даже умереть по-голливудски не выйдет теперь.

И сейчас, когда я здесь вижу, какой ценой мои друзья хотят тут остаться, добиться чего-то в LA, стать звездами, я думаю — ну и на что я жалуюсь? У нас, может, не идеальные отношения, но все же относительно хорошие — мы дружим, хорошо проводим время вместе, поддерживаем друг друга, в конце концов! У нас есть грин-карта, работы, обалденная квартира прямо в Голливуде. Ну чего я с жиру бешусь? Ну не умеет Илан говорить так, как я хотела бы услышать. Разве это повод все бросать? Бросать его или бросать Лос-Анджелес?! Этот город мечты, город грез!.. Я не хочу сжигать мосты...

2 ноября 2013

За год до рождения Эль

Наконец работать со Стеллой становится просто невыносимо. Наша студия, мягко говоря, не процветает: не тонет, но медленно чахнет. Пока Стелла на гастролях (она часто уезжает сразу на два-три месяца) все еще кажется довольно сносным. Я отлично справляюсь с делами и ловлю вдохновение. Но стоит ей вернуться, как я прямо физически ощущаю упадок сил.

Со стороны мы выглядим довольно успешными. Но в Лос-Анджелесе очень многое вокруг так: красивая обертка, будь то успех в глазах окружающих или слава, а внутри обертки — пусто.

Стелла может ездить на гастроли по всей Европе и со стороны это выглядит гламурно, а уж когда смотришь только на концерты по интернету, то вообще лучше не бывает: вот она, звезда восточных танцев!

А на самом деле, студия еле-еле сводит концы с концами, и после всех ежемесячных вычетов Стелле даже жить негде.

Стелла говорит, я плохо себя чувствую потому, что она знает мою тайну, которую я охраняю и никому не хочу показывать.

— Со стороны у вас идеальная пара: такие красивые и молодые, занятые творчеством и своими любимыми работами, но ваши отношения протухли. И ты знаешь это, но зачем ты это все тянешь — непонятно. Ты знаешь, что я все знаю и все вижу, и избегаешь меня. Ты можешь меня ненавидеть, но я не буду молчать. Потому что он делает из тебя тряпку. И меня это злит, — в очередной раз сказала мне Стелла.

На днях мы ездили в Burbank за новым товаром для нашей студии. Мы приехали на встречу раньше назначенного времени и сидели в машине. И, как это всегда бывает последний год, снова заговорили об Илане.

— Ты понимаешь, — говорила Стелла, — он же тебя подставит! Он уже воткнул тебе нож в спину! Он пошел и нагадил там, куда не должен был даже соваться... Но он искал контроль над тобой. И все поломал!

— Что ты хочешь от меня? — устало спрашивала я. — Я уже решила жить с ним дальше. Эти разговоры бессмысленны.

Я больше не хочу и не могу обсуждать с ней свои отношения с Иланом.

— Ничего, — ответила мне Стелла. — Я просто хочу, чтобы ты была осторожна и не доверяла ему так слепо. Он режиссер по натуре. И он выстроил весь ход игры намного глубже, чем ты это видишь. Он все подстроил, разрушил твой бизнес. Он в очередной раз доказал, сколько власти имеет над тобой. Он доказал, в первую очередь себе, что может разрушить все, что есть в твоей жизни.

28 ноября 2013

За год до рождения Эль

Я записываю плюсы и минусы работы в студии. Чем скрывать, я хочу найти больше минусов, чем плюсов, чтобы покончить с этим. Я больше не могу так.

Я уже нашла десять минусов и четыре плюса — и я решила, что уйду из руководства студии. Я все еще могу там преподавать, но больше не хочу руководить бизнесом вместе со Стеллой.

Я выбираю Илана. Он мой муж, моя семья. Я не могу выбрать студию. Мне плохо в студии и рядом со Стеллой. А с Иланом плохо из-за студии.

Стелла разочарована моим решением. Правда, к этому времени наши с ней конфликты переросли в ссоры, мы уже реально не можем терпеть друг друга. Но она никогда не забывает, из-за чего все произошло. Из-за Илана. А я говорю ей, что это не из-за него — просто мы с ней не подходим друг другу и не можем работать вместе.

Словно в доказательство моим словам мы со Стеллой снова поругались, она опять разозлилась на Илана и хотела что-то сказать, но замолчала.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Ты уже все решила. Я не должна тебе говорить этого.

— Ну уж нет, теперь скажи!

Она долго собиралась с духом, но сказала:

— В то воскресенье, когда он пришел признаваться мне в любви, я наговорила ему много гадостей. Я сказала ему, что он плохой человек, что он не достоин тебя. Я сказала, что у меня болит душа за тебя, ведь он разбивает тебе сердце. А ты прекрасный человек, лучший из тех, кого я встречала в Лос-Анджелесе... Он уже садился в машину, а я продолжала ему говорить, что, мол, если он такой идиот и ничего не понимает, мне жаль его, и что я очень беспокоюсь за тебя. А он, перед тем как сесть в машину, повернулся ко мне и сказал: «Ты сильно за Алису не переживай! Я все равно рано или поздно брошу ее!» — и уехал.

Стелла замолчала.

Прошло больше года после той истории, но сейчас у меня словно земля ушла из-под ног. Почему он так сказал? Меня будто в очередной раз окатили ледяной водой, ударили ножом в живот, толкнули под поезд...

Дома я рассказала Илану все и спросила, правда ли это. Он сначала молчал, а потом сказал:

— Я не знаю. Я не помню. Это было давно. Может, я и сказал так, а может и нет... Я был в эмоциях...

И я снова стала уговаривать себя, что он не это имел в виду, а был в состоянии аффекта. Что он не хотел меня обидеть, просто запутался в своей жизни.

Вчера я отдала Стелле ключи от студии и подписала последние бумаги, в которых говорилось, что я передаю весь наш бизнес ей. Она чуть не плакала:

— Мне жаль, что я не смогла уберечь тебя. Ты была мне как сестра, а я не нашла слов и действий открыть тебе глаза. Когда-нибудь ты все поймешь... Он не случайно увез тебя далеко от ваших семей, где тебя смогли бы защитить и уберечь. Ты дала ему полную власть

над собой, а он использует ее против тебя. Если бы твои родные были рядом, они бы вытащили тебя из этих отношений... Мне жаль, что я не смогла для тебя ничего сделать. Он еще воткнет тебе нож в спину. И даже меня не будет рядом помочь тебе...

22 февраля 2014

За десять месяцев до рождения Эльз

Я убирала в шкафу и нашла свой дневник за 2013 год. Начала читать и чуть не стошнило: кто эта зануда, эта депрессивная девушка? Неужели это я?!

С тех пор как я ушла из студии, я стала лучше спать! Я стала дышать. Неужели мне действительно было так плохо в студии? Или это от Стеллы?

Я все еще веду уроки в студии, и теперь Стелла как бы моя начальница. Конфликтов не убавилось, но я перестала принимать их близко к сердцу. Я редко вижу Стеллу, поэтому мы реже ссоримся. Но скоро, думаю, я перестану там даже преподавать.

Зато отношения с Иланом стали лучше! Мы стали много времени проводить вместе — говорить о кино, о том, что я буду с ним работать. Мы переехали в новую квартиру и сделали там ремонт. И хотя за время ремонта чуть не убили друг друга, сейчас нам очень хорошо. А может, мы постоянно ссорились в прошлом году из-за ремонта вообще, а не из-за всякой чепухи, что я вбила себе в голову?

Илан хочет, чтобы летом у нас была свадьба. Он и его семья хотят немного другую свадьбу, чем я себе это представляю, но я готова пойти на уступки. Я бы хотела маленькую свадьбу, уютную, но Илан хочет праздника, гостей и много шума. Мне не жалко!

Мы вместе работаем над одной рекламой, которую Илан снимает. Я его кастинг-директор и провожу про-

слушивания для актеров. Мы вместе ищем локации для съемок.

Но самое главное — Илан купил нам билеты в Майами! Мы полетим с ним на неделю отдохнуть, валяться на пляже, гулять, ходить в рестораны... Мы будем много времени проводить вдвоем. Вернее, мы все время будем проводить вдвоем! Мы уже так этого ждем. В начале апреля мы полетим во Флориду, и я очень рада!

А еще у Илана намечается проект в Москве. На апрель и май. И в этом году мы уж точно полетим вместе! Наконец-то. Никакая студия меня не удержит. В этот раз ему дают серьезную должность, и он может спокойно взять меня. Я буду помогать ему и учиться у него. Я хочу развиваться в этом направлении. А главное, главное — мы будем вместе!

Надо сжечь эти дневники за последние полтора года... А то вдруг их потом найдут мои дети и скажут: «Ну и ну, мам! И чего ты полтора года ходила как пришибленная?! Вон у вас с папой как все хорошо получилось!»

Акт восьмой. Новая душа в проеме

Снова беру дневник своей беременности...

Читаю. Весна 2014 года. Я только что узнала, что беременна. И я очень испугалась — я не хочу быть беременной, я боюсь. Чего именно я боюсь — непонятно. Илан радуется моей беременности, вся семья (и его, и моя) тоже. Но я чувствую себя потерянной и разбитой. Еще месяц назад у меня была своя танцевальная студия. Своя. Студия. Я так долго об этом мечтала!

Я вела уроки, нанимала учителей, приглашала их на свои мастер-классы. Мы со Стеллой занимались бухгалтерией, рекламой, ремонтом... Мы ставили концерты, продюсировали мероприятия, танцевали

в фольклорном ансамбле. Были клиенты, поездки, телефонные разговоры, куча ответственности — и все было в радость тогда.

Ну, или почти всегда в радость... Пока не случилось то, что случилось, и Илан не разрушил мне всё... И все сразу стало плохо. Тесно. Трудно.

Я в самом начале своей беременности и не хочу об этом думать.

Непонятные дурные предчувствия не покидают меня первые недели моей беременности.

Илан улетел на съемки в Россию, а затем во Францию. В этот раз будет снимать в Москве, Питере и Париже. Улетел он надолго — больше двух месяцев — девять недель. Я рассчитывала, что полечу вместе с ним. Я так ждала эту поездку!.. Но выяснилось, что я беременна, и врач не рекомендовала мне летать в первом триместре. Поэтому я осталась дома... Илан говорит, что я приеду к нему позже. Он как раз закончит съемки в Москве, и я смогу присоединиться к нему в Питере, а потом уже вместе мы полетим в Париж.

Идут пустые страницы. Перерыв в записях.

Дальше начинается сумбур. Там столько драмы, что даже читать больно. Столько слез и ежедневной нерво-трепки. Как можно было всю беременность проплакать в подушку?! Может быть, Эля поэтому так плохо спит по ночам?..

Часть 2. Танцы в животе

КОНЕЦ БЕСПЛАТНОГО ОТРЫВКА

Если Вам понравилось и Вы хотите продолжить читать, заходите на сайт автора - www.katya-malaya.com - и покупайте книгу “Когда мне было больно” в нужном для вас формате.

Когда Вы покупаете книгу напрямую у автора, Вы поддерживаете самого автора и стимулируете к новым достижениям! :)

Спасибо за чтение!